ЗК23
Л449

Н. ЛЕНИН

[redacted] г.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ ПРИ НЭП'е

1921—1923 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Издательством „КРАСНАЯ НОВЬ“ выпущены в свет следующие работы

Н. ЛЕНИНА.

Государство и революция.—33 к.

Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма.

Лучше меньше да лучше.—8 к.

Империализм, как новейший этап капитализма.—30 к.

О кооперации—10 к.

Социалистическая революция и задачи просвещения.—25 к.

О партийном строительстве на 20 лет.

Основные задачи партии при НЭП'е (1921—1923 г.)

Н. Ленина и Г. Плеханова.

Против Богданова.— 60к.

Г. Плеханова.

В Амстердаме. (Статьи из „Искры“).—15 к.

О религии. (Три статьи).—55 к.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГ. СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Пр 1955 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

10306

Н. Ленин

8К2В.
145

75075

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ ПРИ НЭП'е

1921—1923 гг.

(СБОРНИК СТАТЕЙ и РЕЧЕЙ)

Пр. 2010

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
МОСКВА ◇ 1924

3К213: 9(с)23

Топографическая часть С.Г.У. Каталог

Главлит № 16.850. Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Общая задача данного исторического периода была определена Владимиром Ильичом в его докладе на XI съезде партии:

„Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами".

Соответственно этой основной задаче, тов. Ленин, начиная с 1921 г., ставил перед партией те конкретные частные задачи, которые являлись главными для соответствующего периода нэп'а.

Мы собрали здесь те речи и статьи тов. Ленина, в которых он определял соотношения классовых сил и задачи партии в течение 1921—1923 гг., указывая партии каждый момент на то „особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену"...

От свободы местного оборота—к государственному регулированию торговли и превращению советского государства в рачительного оптового купца; от отступления—к развертыванию сил на новых позициях; от общеполитической задачи—найти формы союза рабочих и крестьян, соответствующие экономическому укладу Советской республики,—к конкретным задачам подбора людей и обучения коммунистов искусству подымать промышленность через

рынок и торговлю, и, наконец, — к остановке наступления и к работе над ростом кооперации, который „тождественен“ росту социализма...

Внимательное изучение того, как тов. Ленин переходил от от одного „звена“ к другому, выдвигая для каждого момента важнейшее, поможет партии определить важнейшее „звено“ и для настоящего момента.

Я. Яковлев.

24/XII 1923 г.

НАТУРАЛЬНЫЙ НАЛОГ

Доклад на X съезде РКП

15-го марта 1921 г.

Доклад на X съезде РКП.

Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому или,—я бы сказал, пожалуй: более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру. Мне нет надобности подробно останавливаться на вопросах о причинах такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий, особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии.

Два слова о теоретическом значении или о теоретическом подходе к этому вопросу. Нет сомнения, что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных рабочих земледелия. Только такой

класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, переход от капитализма к социализму возможен. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах.

Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие—это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение—это понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя. Мы очень много сделали за 3 года, чтобы политическую сознательность в массах поднять. Массы из острой борьбы учились больше всего. Нам надо—согласно нашему миросозерцанию, 10-летнему нашему революционному опыту, урокам нашей революции—ставить вопросы прямиком: интересы классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так, прямиком, во всех собраниях, во всей прессе нужно говорить. Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас

установилась, недовольно, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы—достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать.

Мы должны сказать: хотите вы назад итти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революции это свидетельствует. Весьма небольшое рассуждение из азбуки коммунизма, из азбуки политической экономии подтвердит неизбежность этого. Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расходиться с пролетариатом так, чтобы докатиться назад и позволять стране откатываться до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе.

И мы думаем, что если рассчитывать правильно, то, при всей сознательной глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого землевладельца, расчет будет в нашу пользу.

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство должна быть разрешена. Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительно, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован. В России больше, чем на Украине, в Сибири меньше, но, в общем и целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивеллировалась, выравнялась, т.-е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка.

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как таковое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был

фантазер, и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров. Повторяю, что это неудивительно, ибо дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так-сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка.

Теперь спрашивается: как это сделать? Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны, и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны сказать: „Да, такое положение не может держаться дальше". Как его удовлетворить, и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, свести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца. Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота,

свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это останется бумажкой, а классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошенько понять. Как нам достать товары, об этом мы будем говорить потом. Сумеем ли мы их достать,—на этом надо остановиться. Что такое свобода оборота? Свобода оборота—это есть свобода торговли, а свобода торговли значит—назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли—это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т.-е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Спрашивается: как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден. Я заранее предвижу и из беседы с товарищами знаю, что предварительный проект замены разверстки налогом, проект, который вам роздан, больше всего вопросов законных и неизбежных вызывает насчет того, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить? Если кто думает на такой вопрос получить ответ на данном съезде, тот ошибается. Ответ на этот вопрос мы получим от нашего законодательства. Наша задача установить только принципиальную линию, выставить лозунг. Наша партия—правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обяза-

тельным для всей республики, и здесь мы должны принципиально решить этот вопрос. Мы должны решить вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посев на носу. И дальше—двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический опыт, чтобы посмотреть, как это сделать. Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? - Можно, ибо вопрос в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, могли бы пустить эти товары в оборот,—мы бы, как государство, к политической власти своей прибавили экономическую власть. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны, разорения и под гнетом невозможности развернуть мелкое земледелие. Мелкий толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т.-е. мелкому отдельному хозяйству. Тут из местной свободы оборота не выскочишь. Если этот оборот дает государству в обмен на продукты известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрики, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется. Крестьянство на практике требует показать ему, что рабочий, держащий в своих руках фабрики, заводы, промышленность, может сборот с крестьянством поставить. И, с другой стороны, громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различными сельскохозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу сборота в местном масштабе местного земледелия и местной промышленности.

В этом отношении было много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти.

Но тут также была вынужденная необходимость,—мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно поднялось из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом: этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам. Но в то же время факт несомненный, и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать,—это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо. Пролетариату, держащему в руках государственную власть, если у него имеются какие-нибудь ресурсы, вполне возможно допустить их в оборот и достигнуть этим известного удовлетворения среднего крестьянина, удовлетворить на основе местного хозяйственного оборота.

Теперь несколько слов о местном хозяйственном обороте. Предварительно я должен коснуться вопроса о кооперации. Конечно, при местном хозяйственном обороте кооперация нам нужна. Наша программа подчеркивает, что лучший аппарат для распределения есть оставшаяся от капитализма кооперация, что этот аппарат нужно сохранить. Это говорится в программе. Использовали ли мы кооперацию? Очень недостаточно: опять-таки частью по ошибке, частью по военной нужде. Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и с.-р. Это химический закон, тут ничего не поделаешь... Меньшевики и с.-р.— это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать. Коли воевать, так по-военному. Мы должны были защищать себя, и мы себя защитили. Но можно ли остаться непременно при тепереш-

нем положении? Нельзя. И связывать этим руки будет безусловно ошибкой. Вот почему по вопросу о кооперации я предлагаю резолюцию, которая очень коротка, и я ее прочту:

„В виду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает Ц. К-ту выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом".

Но резолюция IX съезда связывает руки, она говорит: „Подчинить Компроду". Компрод—прекрасное учреждение, но обязательно подчинить ему кооперацию и связывать себе руки, когда пересматриваешь отношения к мелким земледельцам,—это политически делать явную ошибку. Мы должны поручить выбранному ЦК разработать и установить меры и изменения. Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция IX съезда предполагала, что наше движение будет итти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами. Связывать руки такой резолюцией—политическая ошибка. Отменяя ее, мы говорим, что надо руководствоваться программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата.

Отменяя ее, мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? Не раньше урожая, т.-е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью. Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного оборота вынести в виде постановления съезда. Мыслю себе, что после этого непременно будет в ближайшие дни письмо ЦК, который ска-

жет, и, конечно, он скажет это лучше, чем я говорю это сейчас: „Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите на-спех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собранный опыт учтут. Чтобы итти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры".

Нам предложат вопрос и пожелают узнать, где достать товары. Теперь сможем, потому что наше экономическое положение в международном масштабе улучшилось в громадной степени. Как мы это сумеем сделать, это другой вопрос, но известная возможность есть.

Повторяю, тип экономических отношений, который получает этот блок союзных государств вверху, даст возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу. Я знаю,—это мне уже приходилось говорить,—что это вызывало некоторые насмешки. В Москве есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать „общественное мнение". Он начал потешаться: вот так коммунизм вышел, в роде того, как человек, внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от этого коммунизма остается загадочная картинка. Этого рода шуточки я достаточно слыхал, но шуточки эти либо бюрократические, либо несерьезные. Россия из войны вышла в таком положении, что больше всего похожа на состояние человека, которого избили до полусмерти. 7 лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться. Вот мы в каком положении. Тут думать, что мы можем вылезти без костылей,—значит ничего не понимать. Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардов, поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно

разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты,—нельзя. Это надо понять. И поэтому либо это тип экономических отношений, либо ничего. Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего и отделывается теми или иными остротами. Надо признать такой факт, как переутомление и изнеможение. Семь лет войны,—как они должны были сказаться, если 4 года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там!

А у нас, в нашей отсталой стране, после семилетней войны это прямо состояние изнеможения. Это—изнеможение, это состояние, близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Я оглашу справку, которую я имею от тов. Лежавы. Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве $18^1/_2$ милл. пудов, который мы постановили купить, чтобы оживить промышленность питерскую и текстильную. Если мы получим товары для крестьянина, это есть, конечно, нарушение программы, это есть неправильность, но нужно дать передышку, потому что народ переутомлен так, что иначе он не в состоянии работать.

Должен сказать еще относительно индивидуального товарообмена. Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т.-е. значит, поощрять кулаков. Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами. Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество то-

вара. Если они в твоих руках,—ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отмести такую возможность—это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным, нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий—трудовую повинность. В основном положение такое, что мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота,—иначе сохранить власть пролетариата в России при замедлении международной революции нельзя, экономически мы не сможем. Это надо ясно сознать и нисколько не бояться об этом говорить. В проекте, вы увидите, много несогласованности, есть противоречия, поэтому мы и написали в конце: „Съезд, одобряя в основном внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом, поручает ЦК партии в скорейшем порядке согласовать эти положения". Мы знаем, что они не были согласованы, мы не могли успеть этого сделать, мы не касались этой детальной работы. Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. Если вы это примете сегодня, то это будет постановлено в 1-й сессии ВЦИК, которая тоже издаст не закон, а только видоизмененное положение, затем Совнарком и Совет Труда и Обороны превратят это в закон, а что еще более важно,—дадут практические инструкции. Важно, чтобы на местах поняли значение этого и пошли нам навстречу.

Почему нам нужно было заменить налогом разверстку? Разверстка предполагала изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это не обязательно: государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма, но как переходная мера в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и промышленность ра-

ботает. И если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот—стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем. Перед государством стояла определенная продовольственная обязанность. Наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше.

Если будет неурожай, брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять изо рта крестьян. Если будет неурожай, тогда все поголодают немножко, и государство будет спасено, либо, если не сумеем взять у людей, которые не в состоянии наесться досыта, государство погибнет. Это задача нашей пропаганды среди крестьян. Если сносный урожай, излишков до полумиллиарда. Они покрывают потребление и дают известный фонд. Все дело в том, чтобы дать крестьянину стимул, побудитель с точки зрения экономики. Нужно сказать сельскому хозяину: ты, хозяин, давай продукты, а государство берет минимальный налог. Поэтому мы предлагаем принять резолюцию за основу и поручаем согласовать ее. Работники на местах постараются согласовать и пополнить. Согласовать до конца нельзя: это неразрешимая задача, потому что жизнь слишком пестра. Искать переходные меры—задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать—мы духом не упадем, мы свое возьмем. Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы, как правительство, представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их $^{9}/_{10}$), что всякий поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает кронштадтский опыт. Там не хотят белогвардейцев, а другой власти нет, не хотят нашей

власти и стоят в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства.

Мы имеем сейчас возможность согласиться с крестьянами, и это нужно провести практически, умело, со сметкой, гибкостью. Мы знаем наш аппарат Компрода, мы знаем, что он один из лучших наших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это лучший аппарат, и он должен быть сохранен, но аппарат должен быть подчинен политике. Не к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношения с крестьянами. Тогда этот великолепнейший аппарат будет служить не нашему классу, а Деникину и Колчаку. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода,—руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике. Политика есть отношение между классами—это решает судьбу республики. Аппарат, как подсобное средство, чем тверже, тем он лучше и пригоднее для маневров. А если он не в состоянии этого выполнить, он ни на что не годен. И я приглашаю вас иметь в виду основное,—что разверстка в деталях и толкованиях—работа нескольких месяцев. А сейчас нам надо иметь в виду основное, нам нужно, чтобы вечером же было разослано по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев; что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством.

МЕЛКАЯ и КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Из заключительного слова о продналоге на X съезде РКП

15-го марта 1921 г.

Из заключительного слова о продналоге на X съезде РКП.

... С точки зрения мелкого хозяина, мелкого земледельца, налог, который будет определен в сумме меньшей, чем разверстка, который будет определен с большей точностью и который даст ему возможность больше засеивать, даст ему возможность быть уверенным, что излишки пойдут на улучшение хозяйства,—это есть линия максимальной поддержки старательного хозяина, что было выдвинуто и в посевной кампании. Все возражения, в конце-концов, сводятся к такому вопросу,—выиграет ли больше мелкая буржуазия, экономически враждебная коммунизму, или выиграет больше крупная промышленность, которая представляет из себя основу перехода к социализму, и которая, с точки зрения состояния производительных сил, т.-е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации, объединяя передовых промышленных рабочих, объединяя класс, осуществляющий диктатуру пролетариата?

Здесь некоторые пытались сказать, или экономически вывести, что, несомненно, больше выиграет мелкая буржуазия, кустарное товарное производство, и особенно пытались обосновать это с точки зрения того, что именно крупная промышленность, благодаря концессиям, будет несоциалистическая. Я думаю, что в этих рассуждениях есть основная экономическая неправильность. Если бы даже было совершенно точно доказано, что гораздо больше выиграет пропорционально,—даже допустим: абсолютно,—мелкая промыш-

ленность, это нисколько не опровергает ни теоретически, ни практически правильности предпринимаемых нами шагов. Вывод таков, что иной опоры для укрепления экономически всего нашего дела по строительству социализма быть не может. Допустим сейчас, чисто примерно,—я беру это наглядно для пояснения,—что мелкая промышленность выражается величиной 100 (будет ли это 100 миллионов трудовых единиц или 100 единиц каких-либо других,—это все равно), а крупная—цифрой 200. Примерно допустим, что мелкая вырастает на основе капиталистической на величину 175, а крупная останется только 200. Предположим застой крупной и громадное развитие мелкой. Я думаю даже: это худшее предположение, которое я делал, но и оно означало бы для нас несомненную выгоду.

Перейдем к концессиям. Надо природу концессий представлять себе ясно. Это экономический договор с передовым финансовым капиталом в передовых странах, договор, который даст нам небольшое увеличение продуктов, но и увеличение продуктов контрагентов. Если мы дадим руду или лес концессионеру, он возьмет громадную долю этого продукта и нам даст небольшое долевое отчисление. Но для нас важно увеличить количество продуктов вообще, поэтому и небольшое отчисление есть все же плюс для нас.

Итак, бояться того, что поднимутся мелкое земледелие и мелкая промышленность в размерах, которые могли бы оказаться опасными для нашей крупной промышленности, неосновательно.

Если у нас будет неурожай (я вам уже указывал на брошюру Попова), если мы получим неурожай и такие же скудные средства, как и в прошлом году, то ни о каком уменьшении кризиса и о развитии мелкой промышленности не может быть и речи. Вопрос о том, выиграет ли больше мелкое или крупное производство, есть вопрос о соединении и сочетании того использования нашего фонда и развития рынка, которого мы достигаем соглашением с капитализмом в связи с концессиями, и это даст нам увеличение сельско-хозяйственного производства. Кто из нас использует эти средства лучше, от этого зависят и результаты. Я думаю,

что рабочий класс, имея в своих руках важнейшие отрасли крупной промышленности, если он сосредоточит внимание на наиболее важных из них, то он выиграет больше, чем выиграет мелкая промышленность, хотя бы пропорционально она и вырастала быстрее. У нас положение в текстильной промышленности было таково, что к концу 1920 года замечалось, несомненно, улучшение, но нехватило топлива, а если бы топлива у нас было достаточно, то мы получили бы до 800.000 000 аршин тканей, и мы имели бы для обмена на крестьянские продукты материал собственного производства.

Но с кризисом топлива мы имеем гигантское падение производства. Если теперь и реализуется закупка угля за границей, и мы через неделю или через две получим пароходы с этим грузом, мы, все равно, уже потеряли несколько недель или даже месяцев.

Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его возможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать. Налог одна из скромных мер в этом отношении, но мер несомненных, которая это поощрение даст, и которую принять безусловно следует.

КЛАССЫ при НЭП'е

Из речи на всероссийском съезде транспортных рабочих

27-го марта 1921 г.

Из речи на всероссийском съезде транспортных рабочих.

Товарищи, позвольте мне прежде всего поблагодарить вас за приветствие и ответить, равным образом, приветствием вашему съезду. Прежде, чем перейти к теме, которая прямо касается задач вашего съезда, ваших работ и того, чего вся Советская власть от вашего съезда ждет, позвольте начать несколько издалека.

Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: „Царству рабочих и крестьян не будет конца". И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу,—может-быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его,—когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: „А, ведь, вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание". В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов; а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма. И вот, размышляя о том, как у нас $3^1/_2$ года спустя после октябрьского переворота существуют, хотя и отодвинутые немножечко, столь странные плакаты, я стал размышлять также о том, что, пожалуй, и в отношении к самым распространенным и общеупотребительным у нас лозунгам есть еще чрезвычайно большие недоразумения. Все мы поем, что ведем сейчас наш последний и решительный бой—вот, напри-

мер, один из самых распространенных лозунгов, всячески нами повторяемый. Но я побаиваюсь, что ежели бы спросить большую часть коммунистов, против кого вы ведете сейчас,— не последний, конечно, это немного лишнего сказано, но один из ваших последних и решительных боев, то я боюсь, что не многие дадут правильный ответ на этот вопрос и обнаружат ясное понимание того, против чего или против кого мы ведем сейчас один из наших последних и решительных боев. И мне сдается, что теперешней весной, в связи с теми политическими событиями, которые обратили на себя внимание широких масс рабочих и крестьян, следует, мне кажется, в связи с этими событиями, еще раз сначала рассмотреть или, по крайней мере, попытаться рассмотреть вопрос о том, против кого мы ведем теперешней весной, вот сейчас, один из наших последних и решительных боев. Позвольте мне на этом вопросе остановиться.

Чтобы разобраться в этом вопросе, я думаю, надо, прежде всего, возможно точнее и возможно трезвее обозреть еще раз те силы, которые стоят друг против друга, и борьба которых определяет и судьбу Советской власти и, вообще говоря, ход и развитие пролетарской революции, революции за низвержение капитала как в России, так и в других странах. Каковы эти силы? Как они группируются друг против друга? Каково в данное время расположение этих сил? Всякое сколько-нибудь серьезное политическое обострение, всякий новый, хотя бы и не очень крупный поворот политических событий должен всегда всякого мыслящего рабочего и всякого мыслящего крестьянина приводить к этому вопросу о том, какие силы налицо имеются, как они группируются. И лишь тогда, когда мы сумеем правильно и совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний, учесть эти силы, лишь тогда мы сможем сделать и правильные выводы относительно нашей политики вообще и наших ближайших задач. И вот позвольте мне эти силы сейчас вкратце и описать.

Сил этих в главном, общем и основном—три. Я начну с той, которая всего ближе нам, начну с пролетариата. Это— п е р в а я с и л а. Это первый особый класс. Вы все это хо-

рошо знаете, вы сами в гуще этого класса живете. Каково его положение теперь? В Советской республике это тот класс, который взял власть $3^1/_2$ года тому назад, и который осуществил за это время господство, диктатуру, который больше всех других классов за эти $3^1/_2$ года пострадал, перенес, измучился, потерпел лишений и бедствий. Эти $3^1/_2$ года, большая часть которых прошла в отчаянной гражданской войне Советской власти против всего капиталистического мира, означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире. И получилась странная вещь. Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его о д и н. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет „общенародной, общевыборной, всем народом освященной" власти. Любителей по части такой словесности, как вы все прекрасно знаете, очень много, и даже сверх-много есть, но, во всяком случае, не из числа пролетариата, ибо пролетарии осознали и в конституции, в основных законах республики, написали о том, что речь идет о диктатуре пролетариата. Этот класс понимал, что он берет власть один в исключительно трудных условиях. Он осуществлял ее таким путем, каким осуществляется всякая диктатура, т.-е. с наибольшей твердостью, с наибольшей непреклонностью осуществлял он свое политическое господство. И при этом подвергся за эти 3 года политического господства таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории. И понятно, что в результате такого сверхчеловеческого напряжения мы имеем теперь особую усталость и изнеможение и особую издерганность этого класса.

Как могло случиться, что в стране, в которой пролетариат так малочислен по сравнению с остальною частью населения, в стране отсталой, которая была отрезана искусственно военной силой от стран с более многочисленным, сознатель-

но-воспитанным, дисциплинированным и организованным пролетариатом, как могло случиться, что в такой стране, при сопротивлении, при натиске буржуазии всего мира, один класс мог осуществить свою власть? Как могло это осуществляться в течение $3^1/_2$ лет? Где была поддержка этому? Мы знаем, что была поддержка внутри страны, в массе крестьян. Я сейчас перейду к этой второй силе, но сначала нужно покончить с разбором первой силы. Я сказал, и всякий из вас наблюдал над жизнью ближайших товарищей по фабрикам, заводам, депо, мастерским, и знает, что никогда не было так велико и остро бедствие этого класса, как в эпоху его диктатуры. Никогда страна не достигала такой усталости, изношенности, как теперь. Что же давало этому классу моральные силы, чтобы пережить эти лишения? Ясно, совершенно очевидно, что откуда-нибудь он должен был брать моральные силы, чтобы преодолеть эти материальные лишения. Вопрос о моральной силе, о моральной поддержке, как вы знаете,—вопрос неопределенный: все можно понимать под моральной силой, и все можно туда подсунуть. Чтобы избежать этой опасности,—подсунуть что-либо неопределенное или фантастическое под это понятие моральной силы,—я себя спрашиваю: нельзя ли найти признаков точного определения того, что давало пролетариату моральную силу перенести невиданные материальные лишения, связанные с его политическим господством? Я думаю, что если так поставить вопрос, то на него найдется точный ответ. Спросите себя: могла ли Советская республика вынести то, что она за $3^1/_2$ года вынесла, и так успешно отстоять себя от натиска белогвардейцев, поддерживаемых капиталистами всех стран мира, если бы рядом с ней стояли отсталые, а не передовые страны? Достаточно задать этот вопрос, чтобы в ответе не было никаких колебаний.

Вы знаете, что против нас в течение 3 лет воевали все богатейшие державы мира. Та военная сила, которая стояла против нас и которая поддерживала Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля,—вы прекрасно знаете, каждый из вас участвовал в войне,—во много раз, безмерно и безусловно превышала наши военные силы. Вы прекрасно

знаете, что мощь всех этих государств неизмеримо больше нашей и сейчас. Как же это могло случиться, что они ставили задачу победить Советскую власть и не победили? Как это могло быть? Ответ мы имеем точный. Это могло быть, и это случилось потому, что пролетариат во всех капиталистических странах был за нас. Даже в тех случаях, когда он заведомо был под влиянием меньшевиков и эсеров,—в странах Европы они называются иначе,—он, тем не менее, не поддерживал борьбы против нас. В конце-концов, при вынужденных уступках массам со стороны вожаков, рабочие эту войну сорвали. Не мы победили, ибо наши военные силы ничтожны, а победило то, что державы не могли пустить в ход против нас всей своей военной силы. Рабочие передовых стран настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны, и в конечном счете они сорвали войну против нас пассивным и полупассивным сопротивлением. Этот бесспорный факт точно отвечает на вопрос, где мог русский пролетариат взять моральные силы, чтобы $3^1/_2$ года держаться и победить. Моральной силой русского рабочего было то, что он знал, чувствовал, осязал помощь, поддержку в этой борьбе, которая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе. В каком направлении идет там развитие рабочего движения, показывает нам то, что в последнее время в Европе в рабочем движении не было более крупных событий, как раскол социалистических партий в Англии, Франции, Италии и других странах, как побежденных, так и победителей, в странах с разной культурой, с разной степенью экономического развития. Во всех странах главным событием этого года было то, что из разбитых, потерпевших полное крушение партий социалистов и социал-демократов, по-русски меньшевиков и эсеров, образовалась партия коммунистов, опирающаяся на поддержку всего, что есть передового в рабочем классе. И, конечно, нет никакого сомнения, что если бы против нас вместо передовых стран вели борьбу страны отсталые, в которых нет таких могучих пролетарских масс, то мы не продержались бы не только 3 года, но и 3 месяца. Могла ли быть у нашего пролетариата моральная сила, если бы он не

опирался на сочувствие рабочих передовых стран, которые поддерживали нас, вопреки той лжи, которую в миллионах экземпляров распространяют империалисты про Советскую власть, вопреки усилиям „рабочих вождей", меньшевиков и эсеров, которые должны были сорвать и срывали борьбу рабочих за нас. Опираясь на эту поддержку, наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями и лишениями, победил, так как он силен своей моральной силой.

Вот вам первая сила.

Вторая сила — это то, что стоит между развитием капитала и пролетариатом. Это—мелкая буржуазия, мелкие хозяева, это—то, что в России больше всего является продуктом подавляющего перевеса крестьянского населения. Главным образом, это мелкие хозяева и мелкое земледелие. На девять десятых они таковы и иными быть не могут. В острой борьбе капитала с трудом они ежедневно не участвуют, школы не проходили, экономические и политические условия жизни не сближают их, а разъединяют, отталкивают один от другого, превращают в миллионы мелких хозяев поодиночке. Таковы факты, которые вы все прекрасно знаете. Никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше, чем через долгий и долгий ряд лет, переделать это не могут. Со своими врагами справа, с классом помещиков, эта сила, благодаря революционной энергии и беззаветности пролетарской диктатуры, покончила так скоро, как никогда, смела его донизу, устранила его господство с невиданной быстротой. Но чем скорее она устранила его господство, чем скорее переходила к своему хозяйству на общенародной земле, чем решительнее расправлялась с небольшим меньшинством кулаков, тем скорее сама превращалась в хозяйчиков. Вы знаете, что русская деревня за это время выравнялась. Убавилась доля крупных посевщиков и беспосевщиков, увеличилось хозяйство середняцкое. Наша деревня стала за это время более мелкобуржуазной. Это самостоятельный класс, тот класс, который после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов остается единственным классом, способным противостоять пролетариату. И поэтому

нелепо писать на плакатах, что царству рабочих и крестьян не будет конца.

Вы знаете, какова эта сила с точки зрения ее политического настроения. Это—сила колебания. Это мы видели на своей революции во всех концах страны—в России по-своему, в Сибири по-своему, на Украине по-своему, но везде итог был один: это—сила колебания. Ее долго вели на помочах эсеры и меньшевики, и при помощи Керенского, и в период Колчака, и когда было в Самаре учредительное собрание, и когда у Колчака или у его предшественников был министром меньшевик Майский и т. д. Эта сила колебалась между руководством пролетариата и руководством буржуазии. Почему же это—сила, которая в громадном большинстве сама собой не руководила? Потому, что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не дает себя во власть пустых слов о „всенародном голосовании", об учредилке и тому подобной „демократии", которая одурачивала народ сотни лет во всех странах, а у нас ее сотни недель проделывали эсеры и меньшевики, каждый раз на этом самом месте терпя провал. Мы знаем из своего собственного опыта,—и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем 150 лет, во всем мире,—что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов—середины нет. Все, кто о ней мечтает,—пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история. Все учение Маркса показывает, что раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом. Борьба капитала с пролетариатом—это неизбежность, это закон, показавший себя во всем мире, и кто не хочет сам себя обманывать, тот не может этого не видеть.

Из этих основных экономических фактов и вытекает то, почему эта сила сама себя проявить не может, и почему попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом. Поскольку пролетариату не удается руководить революцией, эта сила всегда становится под руководство буржуазии. Так было во всех революциях, и, конечно, и российские люди не особым миром мазаны, и, если они пожелают лезть в святые, ничего, кроме смешного, не выйдет. Разумеется, история и к нам относится так же, как к другим. Для нас всех все это потому особенно наглядно, что все мы пережили керенщину. Тогда руководителей политической линии, умных, образованных, с большим опытом в политике и в управлении государством, для поддержки правительства было в сто раз больше, чем у большевиков. Если посчитать всех должностных лиц, которые нас саботировали, и которые не ставили своей задачей саботировать правительство Керенского, опиравшееся на меньшевиков и эсеров, то таких было огромное большинство. И все-таки оно потерпело крах. Значит, были причины, которые пересилили громадное преобладание интеллигентских, образованных сил, привыкших к управлению государством, овладевших этим искусством за десятилетия раньше того, как им пришлось брать в свои руки государственную власть. Этот опыт проделали в других вариантах Украина, Дон, Кубань, и все пришли к одному результату. Тут случайностей не может быть. Таков экономический и политический закон второй силы: либо под руководством пролетариата, — путь тяжелый, но который может вывести из-под господства помещиков и капиталистов, — либо под руководством капиталистов, как в передовых демократических республиках, даже в Америке, где еще не совсем закончена даровая раздача земли (раздавалась по 60 десятин даром всякому пришлому; лучшего условия нельзя себе представить!), и где это привело к полному господству капитала.

Вот вторая сила.

У нас эта вторая сила колеблется, она особенно устала. На нее ложатся тяжести революции, а в последние годы обрушиваются все больше: год неурожая, выполнение раз-

верстки в связи с падежом скота, бескормицей и т. д. При таком положении понятно, что эта вторая сила, масса крестьянства, поддавалась отчаянию. Подумать об улучшении своего положения она не могла, несмотря на то, что с уничтожения помещиков прошло три года, а улучшение становится необходимым. Расходящаяся армия не встречает возможности получить правильного применения своего труда. И вот вам превращение этой мелкобуржуазной силы в анархический элемент, который выражает свои требования в волнении.

Третья сила всем известна: это — помещики и капиталисты. У нас сейчас этой силы не видно. Но вот одно из особо важных событий, один особо важный урок последних недель — кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было.

Теперь нет страны в Европе, где бы не было белогвардейского элемента. Русских эмигрантов считают до 700.000 человек. Это бежавшие капиталисты и та масса служащих, которая не могла приспособиться к Советской власти. Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира, которые поддерживают ее так же, как Колчака, Юденича, Врангеля, поддерживают финансированием, поддерживают другими способами, потому что они имеют свою международную связь. Этих людей всякий помнит. Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснением событий в Кронштадте. За последние дни эти события описывал Бурцев, издающий газету в Париже, их оценивал Милюков, — вы, конечно, все это читали. Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага. Его не так видно, когда он перешел за границу, но посмотрите — он передвинулся не очень далеко, самое большее на несколько тысяч верст, а, передвинувшись на это расстояние, притаился. Он цел, он жив, он ждет. Вот почему надо к нему присматриваться, тем более, что это не только беженцы.

Нет, это прямые помощники всемирного капитала, на его счет содержимые и вместе с ним действующие.

Вы, конечно, все обратили внимание, как цитаты из белогвардейских газет, издаваемых за границей, шли рядом с цитатами из газет Франции и Англии. Это один хор, один оркестр. Правда, в таких оркестрах не бывает одного дирижера, по нотам разыгрывающего пьесу. Там дирижирует международный капитал способом менее заметным, чем дирижерская палочка, но что это один оркестр,—это из любой цитаты вам должно быть ясно. Они признавали, что если лозунгом становится „Советская власть без большевиков",—мы согласны. И Милюков это особенно ярко разъясняет. Он историю учил внимательно и все свои знания обновил изучением русской истории на собственной шкуре. Результат своего 20-летнего профессорского изучения он подкрепил 30-месячным собственноличным изучением. Он заявляет, что если лозунгом становится Советская власть без большевиков, я—за это. Будет ли это передвижка немножко направо или немножко налево, к анархистам, за границей, в Париже, этого не видно. Там не видно, что делается в Кронштадте, но он говорит: „Господа монархисты, не торопитесь, не мешайте тем, что вы об этом кричите". И он заявляет, что если передвижка влево, я готов быть за Советскую власть против большевиков.

Вот что пишет Милюков, и что является абсолютно правильным. Кое-чему он научился из русской истории и от помещиков и капиталистов, утверждая, что все равно кронштадтские события являются стремлением создать Советскую власть без большевиков, немножко вправо, немножко с свободной торговлей, немножко с учредилкой. Послушайте любого меньшевика, и вы все это услышите, может-быть, даже не выходя из этого зала. Если лозунг кронштадтских событий есть уклон немножко влево — Советская власть с анархистами, порожденными бедствиями, войной, демобилизацией армии,—то почему Милюков за нее? Потому, что он знает, что уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов.

Иначе политическая власть существовать не могла бы.

Хотя мы ведем не последний, а один из последних и решительных боев, единственно правильный ответ на вопрос: с кем мы поведем сегодня один из решительных боев?—гласит: с мелкобуржуазной стихией у себя дома. Что касается помещиков и капиталистов, то мы их в первую кампанию победили, но только в первую, а вторая будет уже в международном масштабе. Воевать против нас современный капитализм, будь он даже в сто раз сильнее, не может потому, что там, в передовых странах, рабочие сорвали ему войну вчера и сорвут сегодня еще лучше, еще вернее, потому, что там последствия войны разворачиваются все больше. Мелкобуржуазную же стихию у себя дома мы победили, но она себя еще покажет, и это учитывают помещики и капиталисты, особенно те, кто поумнее, как Милюков, который сказал монархистам: „посидите вы у себя, помолчите, потому что иначе только будете укреплять Советскую власть". Это показал общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся: все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся мелкие хозяйства своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний приходится итти назад. Так было и в Великую Французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях. И понятно, что этому уроку все научились. Наша белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западно-европейского капитала. Вот каково положение. Отсюда ясны задачи и обязанность пролетариата.

На почве усталости и истощения рождается известное настроение, а иногда отчаяние. Как всегда, у революционных элементов это настроение и отчаяние выражаются в анархизме. Так было во всех капиталистических странах, так происходит и у нас. Мелкобуржуазная стихия переживает кризис, потому что последние годы ей достались тяжело, хотя не так тяжело, как пролетариату достался 1919 год, но все же тяжело. Крестьянство должно было спасти государство, перейти на разверстку без вознаграждения, но оно

уже не может выдерживать такого напряжения, и потому в нем растерянность духа, колебания, шатание, и это учитывает враг-капиталист, который говорит: лишь бы колебнуть, шатнуть, а потом уж покатится. Вот что значат кронштадтские события, освещенные с точки зрения учета классовых сил в российском и международном масштабе. Вот что значит один из последних и решительных боев, который мы ведем, потому что эту мелкобуржуазно-анархическую стихию мы не победили, и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь. Надо сделать все, что можно для облегчения положения этой массы и сохранить пролетарское руководство, и тогда растущее в Европе движение коммунистической революции получает себе новое подкрепление. То, что не произошло там сегодня, может быть завтра, то, что не произошло завтра, может произойти послезавтра, но такие периоды, как завтра и послезавтра, в мировой истории означают не меньше, как несколько лет.

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ В ЭКОНОМИКЕ СССР.

Из брошюры „О продовольственном налоге“

Апрель 1921 г.

Из брошюры „О продовольственном налоге“.

Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это действительно один из главных вопросов политики при данных условиях.

Обсуждение носит характер немного сутолочный. Этим грехом, по причинам слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его „злободневной“, а с его обще-принципиальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня.

Чтобы сделать такую попытку, я позволю себе привести длинную выписку из моей брошюры: „Главная задача наших дней. О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности“. Эта брошюра вышла в издании Петроградского Совдепа в 1918 г. и содержит в себе, во-первых, газетную статью от 11-го марта 1918 года по поводу Брестского мира, во-вторых, полемику с тогдашней группой левых коммунистов, помеченную 5-м мая 1918 г. Полемика теперь не нужна, и я ее выкидываю. Оставляю то, что относится к рассуждениям о „государственном капитализме“ и об основных элементах нашей современной, переходной от капитализма к социализму экономики.

Вот что я писал тогда:

О современной экономике России.

(Из брошюры 1918 года.)

„...Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется кое-кто от этих слов... Как? В Советской Социалистической Республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?

Именно на этом пункте надо подробнее остановиться.

Во-первых, надо разобрать, каков именно тот переход от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться Социалистической Республикой Советов.

Во-вторых, надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелкобуржуазных экономических условий и мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас.

В-третьих, надо хорошенько понять значение Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение „Социалистическая Советская Республика" означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово „переход"? Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о

том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается: какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелкобуржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев—мелкие товарные производители"...

...В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это неудивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же. Крестьянская „беднота" (пролетарии и полупролетарии) превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелкособственническая, мелкобуржуазная „стихия" усилилась. А гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно—крестьянства, а не рабочих?

Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас „задержка" самая большая—с точки зрения всего государственного хозяйства—именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место „отречение" или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую „больную" задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак, в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

На этот счет очень распространены неправильные представления. Неправильность проистекает большей частью от того, что не вникают в сущность перехода, не спрашивают себя, от чего к чему ведет данный переход. Представляют себе дело так, как-будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще. Против этой ошибки приходится неизбежно указывать на то, что говорилось в мае 1918 года.

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного „военного коммунизма", вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный „военный коммунизм" состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплоататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эсеры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот „военный коммунизм". Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. „Военный коммунизм" был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отве-

чает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть, благодаря алчности и злобе капиталистов, завтра), что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, то-есть минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующего. Нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми, и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия,—которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается: необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 года определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что налицо

имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, то-есть полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелкокрестьянской стране преобладает „уклад" мелкокрестьянский, то-есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный,—это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, и разумеется,—обмен: это бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая „правильная" политика,—мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем—по крайней мере, до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны.

Как же быть?

Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна, самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов „помышлением, словом и делом" грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет.

Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика)—не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо—в той или

иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще.

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 года. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 года. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелкобуржуазным производством.

Весь вопрос—как теоретический, так и практический—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо, прежде всего, возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего советского государства.

Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она „насаждает" государственный капитализм,—это концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при Советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это—договор, блок, союз советской, т.-е. пролетарской, государственной власти, с государственным капитализмом против мелкособственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии. Концессионер—это капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради при-

были, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной, или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участков. Мы можем разрабатывать не все,—нехватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий проистекает усиление мелкособственнической стихии во всех ее проявлениях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к Советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. „Насаждая" государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян,—конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный письменный договор с наиболее культурным,

передовым, западно-европейским капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную „дань" всемирному капитализму, „откупаемся" от него в таких-то отношениях, получая немедленно определенную меру упрочения положения Советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи по отношению к концессиям сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут, несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности,—это наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения, насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников в связи с введением продналога,—суметь применить принципы, начала, основы „концессионной" (т.-е. подобной „концессионному" государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее „свободы" и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобужуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость, обмена. Свобода и права кооперации при данных условиях России означают

свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но „кооперативный" капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является при Советской власти разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас,—разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы это развитие капитализма,—ибо свобода продажи, свобода торговли есть развитие капитализма,—направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессии и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация—на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной фирмы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяев. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок; кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического „сожительства" с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического „сожи-

тельства" Советской власти с мелкими капиталистиками, но и вообще не в состоянии разорвать фактических, экономических отношений. За концессионером „уследить" легко, за кооператорами—трудно. Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить в случае успеха более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне". Политика концессий в случае успеха даст нам небольшое число образцовых—по сравнению с нашими—крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная в случае успеха даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного объединения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение, или промысел, или участок леса, земли и т. п., при чем арендный договор похож более всего на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо „низкой истине" и слишком часто отдаем себя во власть „нас возвышающему обману". Мы постоянно сбиваемся на то, что „мы" переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это „мы". Перечень всех—

непременно всех без изъятия—составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5/V 1918, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. „Мы", авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы „мы" могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Посмотрите на карту Р.С.Ф.С.Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка—вернее десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к

социализму, или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это „одно" условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка.

На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. „Мы" часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо". Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил...

ОБ ОБМЕНЕ

Из наказа СТО местным советским учреждениям

Май 1921 г.

Из наказа Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям.

Первоочередной задачей Советской Республики является восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Разорение и обнищание, причиненные всюду империалистической войной, так необъятно велики, что во всем мире свирепствует экономический кризис, и даже в передовых странах, которые до войны были далеко впереди России по своему развитию, и которые несравненно меньше пострадали от войны, восстановление хозяйства идет с необычайными трудностями и растянется на долгий ряд лет. И дело обстоит так даже во многих странах-„победительницах“, несмотря на то, что они связаны союзом с богатейшими капиталистическими державами и получают громадную дань, возложенную на страны побежденные, зависимые и колониальные.

Понятно, что отсталой России, которая вынесла не только империалистическую войну, но и 3 с лишним года гражданской войны, навязанной рабочим и крестьянам помещиками и капиталистами при помощи всемирной буржуазии, приходится с неизмеримо большими трудностями восстанавливать свое хозяйство. Тяжелый неурожай 1920 г., бескормица и падеж скота сделали положение крестьянского хозяйства невыносимо тяжелым.

По закону, который издан ВСЕЦИК'ом, разверстка заменена продовольственным налогом. Установлена свобода обмена остающихся земледельцу излишков на всякие продукты. Постановлением Совнаркома опубликованы ставки

налога. Размеры налога приблизительно вдвое ниже разверстки. Совнаркомом издан новый закон о кооперации, расширяющий ее права в связи со свободой обмена земледельческих излишков.

Этими законами сделано очень многое для немедленного улучшения положения крестьянского хозяйства, для усиления интереса крестьян к расширению запашки и к улучшению земледелия и скотоводства, а вместе с этим, для подъема и развития мелкой местной промышленности, которая не нуждается в заготовке и подвозе больших запасов продовольствия, сырья и топлива.

Самостоятельный местный почин в деле улучшения крестьянского хозяйства, развития промышленности, установления оборота между земледелием и промышленностью получает теперь особенно большое значение. Создаются большие возможности применения новых сил, новой энергии к восстановлению народного хозяйства.

Совет Труда и Обороны, обязанный в силу постановления VIII всероссийского съезда Советов объединять деятельность экономических наркоматов и направлять ее, обращается ко всем местным учреждениям с настоятельным требованием напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъему промышленности, строго выполняя новые законы и руководясь при этом излагаемыми ниже основными положениями и указаниями.

Практическое мерило успехов нашего хозяйственного строительства в общегосударственном масштабе мы имеем теперь в первую очередь двоякое: во-первых, успех быстрого, полного, государственно-правильного сбора продовольственного налога; во-вторых — и это особенно важно — успех товарообмена и продуктообмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные, успех оборота между земледелием и промышленностью.

Это — самое насущное, немедленно и во что бы то ни стало необходимое. Это — проверка всей работы и закладка фундамента для осуществления великого плана электрификации, которая даст нам восстановление крупной про-

мышленности и транспорта в таких размерах и на такой технической основе, чтобы окончательно и навсегда победить голод и нищету.

Надо собрать 100% продовольственного налога и затем собрать еще столько же продовольственных продуктов путем свободного обмена с.-х. излишков на промышленные изделия. Конечно, это не может удасться повсюду сразу, но эту ближайшую задачу мы все должны себе поставить, и мы сможем ее в кратчайший срок осуществить, если правильно поймем положение нашего хозяйства и со всей энергией вступим на правильный путь его подъема. Все местные власти, все местные учреждения каждой губернии, каждого уезда, каждого областного центра, каждой автономной республики должны объединенно и согласованно развернуть дело так, чтобы обмен излишков был двинут. Пусть опыт покажет, насколько удастся двинуть этот обмен посредством увеличения производства и доставки государственных продуктов крупных социалистических предприятий; насколько удастся поощрить и развить мелкую местную промышленность; какую роль сыграет кооперация и частная торговля, предприниматели, капиталисты, находящиеся на государственном учете,—все и всяческие приемы, с наибольшим развитием местной инициативы, должны быть испытаны. Мы стоим перед новой задачей, не испробованной еще нигде в мире; мы решаем эту задачу при таких условиях, когда послевоенное разорение не позволяет ни точно рассчитать ресурсы, ни определить наперед, какую степень напряжения могут вынести рабочие и крестьяне, принесшие неслыханно тяжелые жертвы ради победы над помещиками и капиталистами. Мы должны смелее и шире применить разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон, разную степень допущения капитала и частной торговли, не боясь известного насаждения капитализма, лишь бы немедленно поднять оборот, оживить этим и земледелие и промышленность, подсчитать на результатах практического опыта, какими ресурсами страна обладает и каким путем всего вернее можно итти к улучшению положения рабочих и крестьян для дальнейшей более широкой и прочной работы хозяй-

ственного строительства, для осуществления плана электрификации.

Сверх налога, сколько с. х. излишков обменяли крестьяне на продукты мелкой промышленности и частной торговли и сколько на продукты, доставляемые государством,—вот два вопроса, которые должны в первую очередь заинтересовать всякого советского работника, занятого делом хозяйственного строительства. Вот главные ближайшие направления, по которым мы должны достигнуть наибольших успехов, и по которым будем измерять степень успешности работы, а затем будем судить, как именно двинуться к дальнейшим задачам. Согласованно с этими двумя ближайшими вопросами должны ставиться все вопросы хозяйственного строительства вообще...

ПРОЛЕТАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО СТАТЬ ИСПРАВНЫМ ОПТОВЫМ КУПЦОМ

Из статьи „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“

14 октября 1921 г.

Из статьи „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции".

...Последнее, и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело—хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как-раз теперь нашей „новой экономической политикой" целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелко-крестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необъятны. Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши „твердокаменными" и представителями „костоломной политики". Но мы научились также—по крайней мере, до известной степени научились—другому, необходимому в революции искусству—гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывать изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался за данный период времени нецелесообразным, невозможным.

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала обще-политический, потом военный,—мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические,

так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали—или, может-быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить—работой долгого ряда лет подготовить—переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три-четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, „новой экономической политике". Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым „хозяином", исправным оптовым купцом, иначе оно мелко-крестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом нет. Оптовый купец—это как будто бы экономический тип, как небо от земли, далекий от коммунизма. Но это—одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму: личная заинтересованность поднимает производство. Нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам

связи и объединения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые, правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем в этой области новой „науки“ приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь „курс“, хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

ВЕСЬ ВОПРОС,—КТО КОГО ОПЕРЕДИТ

Из речи на II всероссийском съезде политпросветов

17-го октября 1921 г.

Из речи на II всероссийском съезде политпросветов.

Товарищи, я намерен посвятить настоящий доклад новой экономической политике и задачам политпросветов, как я их понимаю, в связи с этой политикой. Мне кажется, что до последней степени неправильно ограничивать доклады только информацией о том, что вообще делается в партии или в Советской республике. Отнюдь не отрицая пользы такой информации и не отрицая пользы совещаний по всяким вопросам и по многому прочему, я все же нахожу, что главным недостатком в работе большинства наших съездов является отсутствие прямой, непосредственной связи с теми практическими задачами, которые перед съездом стоят. Об этих недостатках мне хотелось бы поговорить в связи с новой экономической политикой и по поводу новой экономической политики.

О новой экономической политике я буду говорить в кратких чертах. Громадное большинство из вас, товарищи,—коммунисты, и, несмотря на большую молодость некоторых из вас, коммунисты, проделавшие большую работу в нашей общей политике в первые годы нашей революции. Как проделавшие эту работу, вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут новой,—новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике, а по сути дела в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике. Почему это так? Потому, что наша предыдущая эко-

номическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах. Если припомнить нашу предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России или в скором времени после взятия власти, например, в начале 1918 г., когда первый политический натиск на старую Россию закончился громадным успехом, когда Советская республика была создана, когда из империалистической войны, хотя и в изуродованном виде, но все-таки Россия вышла и вышла с меньшими уродствами, чем если бы она продолжала, по совету империалистов и меньшевиков с эсерами, защищать отечество, то мы увидим, что в первый период, когда мы только-что кончили первое дело по строительству Советской власти и только-что вышли из империалистической войны, мы о наших задачах экономического строительства говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов. Если не все из вас были в это время активными работниками партии и Советской власти, то они, во всяком случае, могли бы познакомиться и, конечно, познакомились с такими решениями, как решение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в конце апреля 1918 г., решение Центрального Комитета 29-го апреля 1918 г., которые указывали на необходимость считаться с крестьянской экономикой, учитывали роль государственного капитализма в строительстве социализма и подчеркивали значение индивидуальной, единоличной ответственности в деле управления страной, в отличие от политических задач строительства власти и военных задач. В начале 1918 г. мы рассчитывали на известный период, когда мирное строительство будет возможно. По заключении Брестского мира опасность, казалось, отодвинулась, и можно было приступить к мирному строительству. Но мы обманулись. В 1918 г. на нас надвинулась настоящая военная опасность, и надвинулась вместе с чехо-словацким восстанием

и началом гражданской войны, которая затянулась до 1920 г. Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика,—под влиянием этих обстоятельств и некоторых, может-быть, других обстоятельств, о которых сейчас не время говорить, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение. Не могу сказать, что так определенно и наглядно мы такой план себе нарисовали, но приблизительно мы в этом духе действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому, что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму,—к убеждению, что, не пройдя через период социалистического учета и контроля, подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя. В теоретической литературе, начиная с 1918 г., когда задача принятия власти стала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что необходим длинный и сложный переход от капиталистического общества через социалистический учет и контроль хотя бы к одному подступу к коммунистическому обществу. Это было нами в роде того, что забыто, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги по строительству. Наша новая экономическая политика, по сути ее, в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее. Никакого сомненья в том, что мы понесли экономическое поражение на экономическом фронте, и поражение весьма тяжелое, у коммунистов быть не может, и мы ставим совершенно сознательно вопрос о новой экономической политике. Конечно, неизбежно, что часть товарищей впадет в состояние весьма кислое, почти

паническое; по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это — вещь неизбежная. Ведь, когда Красная армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте мы этот панический период у некоторых людей наблюдали. Но каждый раз, и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте юденическом, и на врангелевском, и на польском фронте каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что „за одного битого двух небитых дают". Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно. Конечно, задачи на экономическом фронте во много раз труднее, чем задачи на фронте военном, но общее сходство этих элементарных абрисов стратегии имеется. На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение раньше, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским,—поражение, выразившееся тем, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан как основная и неотложная задача. Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе—эта политика мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года. Вот почему случилось то, что с точки зрения нашей общей политики нельзя назвать ничем иным, как сильным поражением и отступлением, при чем, как и наши отступления Красной армии, нельзя сказать, чтобы это было отступление в полном порядке на заранее приготовленные позиции. Правда, позиции были приготовлены заранее. Это можно проверить, сопоставив решения нашей партии весной 1921 года с упомянутым мной апрельским решением 1918 года. Позиции были приготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло, а во многих местах в провинции происходят и

сейчас, в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке.

Задача политпросветов бороться с этим выдвигается на первый план. Основной вопрос, с точки зрения новой экономической политики, состоит в том, кто скорее сумеет здесь воспользоваться.

Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере,—этого мы не знаем. Концессии с заграничными капиталистами,—правда, пока очень немного их заключено, в особенности по сравнению с предложениями, которые мы сделали,—аренда частных капиталистов—это и есть прямое восстановление капитализма, и это связано с корнями новой экономической политики. Ибо уничтожение разверстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохоз. излишками, не взятыми налогом, а налог берет лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти.

Это самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки, а у нас, кроме того, преподаваемая каждым мешечником, существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки. И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением. Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство—за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: „повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали".

Вот к чему сводится вся теперешняя война: кто победит, кто скорее воспользуется: капиталист, которого мы же пускаем в дверь или даже в несколько дверей и во много таких дверей, которых мы сами не знаем, и которые открываются помимо нас и против нас, или пролетарская государственная власть. На что она может экономически опереться? С одной стороны, на улучшение положения населения. В этом отношении надо вспомнить о крестьянах. Совершенно бес-

спорно и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия, наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т.-е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей „работой", не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос—кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться,—и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталитстов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво. Всякая тут идеология, всякие рассуждения о политических свободах есть рассуждения, которых очень много можно найти, особенно, если посмотрим на заграничную Россию, Россию № 2-й, где имеются десятки ежедневных газет всех политических партий, где все эти свободы воспеваются на все лады и всеми музы-

кальными нотами, существующими в природе. Все это—болтовня, фразы. От этих фраз нужно уметь отвлечься.

Мы за 4 года перенесли много серьезных битв и научились, что одно дело—серьезная битва и другое дело—болтовня, которая идет по случаю серьезной битвы, идет особенно от людей, в сторонке сидящих. Нужно от всей этой идеологии, от этой болтовни уметь отвлечься и посмотреть на суть дела. А суть дела та, что борьба есть и будет еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным. Это потому, что та борьба, военная,—это есть дело привычное. Сотни и тысячи лет, всегда воевали. По части искусства избивать людей на войне сделаны громадные успехи.

Правда, в штабах почти всякого помещика были эсеры и меньшевики, которые кричали о народоправстве, об учредилке и о том, что большевики нарушили все свободы.

Решить военную задачу все-таки легче, чем ту, которая стоит сейчас перед нами, решить военную задачу можно натиском, налетом, энтузиазмом, прямо-таки физической силой того большого числа рабочих и крестьян, которые видели, что на них идет помещик. Теперь открытых помещиков нет. Врангели, Колчаки, Деникины частью отправились к Николаю Романову, частью укрылись в безопасных заграничных местах. Этого ясного врага,—как раньше помещика и капиталиста,—народ не видит. Что враг уж среди нас, и что этот враг—тот же самый, что революция стоит перед какой-то пропастью, на которую все прежние революции натыкались и пятились назад,—этого понимания у народа быть не может, потому что он страдает большой темнотой и безграмотностью. И сколько времени всякие чрезв. комиссии будут ликвидировать чрезвычайным образом эту безграмотность,—сказать трудно.

Откуда народ может сознать, что вместо Колчака, Врангеля, Деникина, тут же, среди нас, находится враг, погубивший все прежние революции? Ведь, если капиталисты берут верх над нами, то это означает возврат к старому, что и подтверждено опытом всех прежних революций. Задача нашей партии—развить сознание, что враг среди нас есть анархиче-

ский капитализм и анархический товарообмен. Надо ясно понимать эту сущность борьбы и добиваться, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян эту сущность борьбы ясно понимали: „кто кого? чья возьмет?“. Диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба, в которой пролетариату приходится бороться со всем миром, ибо весь мир шел против нас, поддерживая Колчака и Деникина.

Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы. Из-за этого мы нисколько не впадаем в панику, потому что военных сил у них тоже было больше, однако, этого нехватило чтобы на войне нас раздавить, хотя на войне, имея неизмеримо больше сил в артиллерии или аэропланах, было гораздо легче нас раздавить. Может-быть, для этого достаточно было бы мобилизнуть во-время несколько корпусов той или другой капиталистической державы, которые против нас шли, и не пожалеть нескольких миллионов золота в долг для Колчака.

Однако, это не помогло, потому что сознание их неправоты и правоты нашей проникло и в массы английских солдат, которые пришли в Архангельск, и в массы матросов, которые заставили английский флот уйти из Одессы. Теперь против нас выступили силы, попрежнему более могущественные, чем мы. И чтобы тут победить, нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность.

Либо пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя—и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать, и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьет.

Диктатура пролетариата есть ожесточенная война. Пролетариат победил в одной стране, но остается более слабым в международном масштабе. Он должен всех рабочих и крестьян объединить вокруг себя в том сознании, что война не кончена. Если мы в песне поем, что „это есть наш последний и решительный бой“, то, к сожалению, это есть

маленькая неправда, — к сожалению, это не есть наш последний и решительный бой. Или вы рабочих и крестьян сумеете слить в этой борьбе, или не получите успеха.

Такой борьбы, которую мы видим сейчас, еще никогда не было в истории, но войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времен рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединенной буржуазии всех стран—такой войны не бывало никогда.

Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы. В десятках революций было то же самое, но такой войны не видал еще мир. Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами, и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чем девиз и величайшая трудность этой задачи.

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: „личная заинтересованность крестьянина — это значит восстановление частной собственности". Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не уничтожалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, крестьянин вел хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории еще никогда не ставилось.

Если мы эту задачу пробовали решить прямиком, так-сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и силой.

И мы говорим, что надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности. Обсуждение—сообща, а ответственность—единолична. От неумения осуществить это начало мы страдаем на каждом шагу. Вся новая экономическая политика требует, чтобы это деление было проведено с абсолютной резкостью, с безусловной четкостью. Когда народ перешел к новым экономическим условиям, он бросился обсуждать, что из этого выйдет, и как это надо по-новому построить. Не пройдя через общие обсуждения, нельзя было ничего начинать, потому что народ держали десятки и сотни лет под запретом что-нибудь обсуждать, а революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования по всем вопросам...

Это создавало во многом путаницу. Это было так, это неизбежно, но нужно сказать, что это и не опасно. Если вовремя научиться отделять от митингования то, что нужно для митингования, и что нужно для управления, то тогда мы только сможем добиться высоты положения Советской республики. Но мы, к сожалению, этого еще не научились делать, и большинство съездов идет далеко не деловым образом.

Обилием наших съездов мы превосходим все государства мира. Ни одна из демократических республик не имеет столько съездов, сколько имеем мы, да они и не могут допустить этого.

Мы должны помнить, что страна наша есть страна, много потерявшая и обнищавшая, и нужно научить ее митинговать так, чтобы не смешивать, как я сказал, то, что нужно для митингования, с тем, что нужно для управления. Митингуй, но управляй без малейшего колебания, управляй тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь. Ты должен помнить, что управление должно быть еще более строгое, еще более твердое, чем прежде.

В Красной армии после долгомесячного митингования дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии. В ней применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: „вот большевики ввели расстрелы". Мы должны сказать: „да, ввели, и ввели вполне сознательно".

Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас, и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, и тогда останется жить наша Советская республика,—либо, наоборот, останутся жить капиталисты, и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду.

Вот почему я говорю, что новая экономическая политика имеет значение еще и со стороны учения. Вы здесь говорите о том, как надо учить. Вы должны притти к тому, чтобы сказать, что недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда учение будет мягче. Теперь же я говорю, что учение не может не быть суровым,—под страхом гибели.

У нас было дезертирство из армии, тоже и на трудовом фронте: ты работал на капиталиста, работал на эксплоататора, и, понятно, что работал плохо, но теперь ты работаешь на себя, на рабоче-крестьянскую власть. Помни, что должен решиться вопрос, сумеем ли мы работать для себя, так как иначе,—повторяю,—наша республика погибнет. И мы говорим, как говорили в армии: либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну, и будет жить наша республика.

Вот какова должна быть наша линия, вот почему (между прочим) нам нужна новая экономическая политика.

Хозяйничайте все. Капиталисты будут рядом с вами, рядом

с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры, и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около нас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику. С точки зрения необходимости быстро научиться всякое послабление есть величайшее преступление. И в эту науку, науку тяжелую, суровую, иногда даже жестокую, нужно пойти, так как иначе другого выхода нет.

Вы должны помнить, что наша Советская страна, обнищавшая после долголетних испытаний, окружена не социалистической Францией и не социалистической Англией, которые помогли бы нам своей высокой техникой, своей высокой промышленностью. Нет! Мы должны помнить, что теперь вся их высокая техника, вся их высокая промышленность принадлежит капиталистам, которые действуют против нас.

Мы должны помнить, что у нас должно быть либо величайшее напряжение сил в ежедневном труде, либо нас ждет неминуемая гибель.

Весь мир в силу данного положения вещей развивается скорее нашего. Капиталистический мир, развиваясь, направляет все силы против нас. Вот как стоит вопрос! Вот почему на эту борьбу нужно обратить особенное внимание.

При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, и, может-быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос.

Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды. Надо поставить дело так, чтобы каждый трудящийся прилагал свои силы к укреплению рабоче-крестьянского государства. Только тогда может быть создана крупная промышленность.

Нужно, чтобы сознание это проникло в массы, и чтобы оно не только проникло в массы, но и закрепилось в них практически.

ПЕРЕХОД ОТ ШТУРМА К ОСАДЕ

Речь на московской губернской партийной конференции

29-го октября 1921 г.

Речь на московской губернской партийной конференции.

Товарищи, приступая к докладу о новой экономической политике, я прежде всего должен оговориться, что понимаю эту тему не так, как, может-быть, ожидают многие из присутствующих, или, вернее, я могу взять себе лишь одну небольшую часть этой темы. Естественно, что по этому вопросу главный интерес может быть направлен на ознакомление и оценку последних законов и постановлений Советской власти, касающихся новой экономической политики. Интерес к такой теме был бы тем более законным, чем больше число этих постановлений и чем настоятельнее надобность в их оформлении, упорядочении и подытоживании, а эта надобность, насколько я могу судить по наблюдениям в Совнаркоме, сейчас уже очень и очень чувствуется. Точно так же не менее законно было бы желание ознакомиться с фактами и цифрами, которые уже имеются по вопросу о результатах новой экономической политики. Конечно, число таких фактов, подтвержденных и проверенных, еще очень невелико, но все же они имеются. И, несомненно, для ознакомления с новой экономической политикой следить за этими фактами и пытаться подытожить их—абсолютно необходимо. Но ни той, ни другой темы я не могу взять на себя, и если у вас проявится интерес к ним, я уверен, вы найдете для этих тем докладчиков. Меня же интересует другая тема, именно—вопрос о тактике, или, если можно так выразиться, о революционной стратегии, примененной нами в связи с поворотом нашей политики, и об оценке условий того, насколько эта политика

соответствует общему пониманию нами наших задач, с одной стороны, и с другой—насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание приноровились к необходимости этой новой экономической политики. Вот этому специальному вопросу я бы хотел исключительно посвятить свою беседу.

Прежде всего меня интересует вопрос о том, в каком смысле при оценке нашей новой экономической политики можно говорить об ошибочности предыдущей экономической политики, верно ли будет характеризовать ее как ошибку, и, наконец, если это верно, то в каком смысле может быть признана полезной и необходимой такая оценка.

Этот вопрос, мне кажется, имеет значение для оценки того, насколько мы сейчас в партии согласны между собой по самым коренным вопросам теперешней нашей экономической политики.

Должно ли внимание партии сейчас быть направлено исключительно на конкретные отдельные вопросы этой экономической политики, или это внимание должно быть останавливаемо, по крайней мере, время-от-времени, на оценке общих условий этой политики и на соответствии партийного сознания партийного интереса и партийного внимания к этим общим условиям? Я думаю, что в настоящее время положение именно таково, что наша новая экономическая политика не является еще достаточно определившейся для широких кругов партии, и что без ясного представления об ошибочности предыдущей экономической политики мы не могли бы успешно выполнить свою работу по созданию основ и по окончательному определению направления нашей новой экономической политики.

Чтобы пояснить свою мысль и ответить на вопрос, в каком смысле можно и должно, на мой взгляд, говорить об ошибочности нашей предыдущей экономической политики, я позволю себе взять для сравнения один из эпизодов русско-японской войны, который, мне кажется, поможет нам представить себе точное соотношение разных систем и приемов политики в революции такого рода, как революция, происходящая у нас. Пример, о котором я говорю, это—взятие

Порт-Артура японским генералом Ноги. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различных стадии. Первая состояла в ожесточенных штурмах, которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия — это, когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, при чем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена. Если мы посмотрим на эти факты, то, естественно, станет вопрос: в каком смысле можно оценить как ошибку первый способ действия японского генерала против крепости Порт-Артура? Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость? И если они были ошибкой, то при каких условиях японской армии нужно было для правильного выполнения своей задачи об этой ошибочности говорить и в какой мере нужно было эту ошибочность осознать?

Конечно, на первый взгляд ответ на этот вопрос представляется самым простым. Если целый ряд штурмовых атак на Порт-Артур оказался безрезультатным,—а это факт,—если жертвы, которые при этом нападающие понесли, были невероятно велики,—а это опять таки бесспорный факт,—то отсюда уже очевидно, что ошибочность тактики непосредственного и прямого штурма на крепость Порт-Артур не требует никаких доказательств. Но, с другой стороны, не трудно видеть, что при решении такой задачи, в которой было очень много неизвестных,—трудно без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или хотя бы даже с достаточно большой степенью приближенности и точности, какой прием может быть употреблен против враждебной крепости. Определить это было невозможно без того, чтобы испытать на практике, какую силу представляет из себя крепость,—какова мощность ее укреплений, каково состояние ее гарнизона и т. п. Без этого решить вопрос о применении правильного приема взятия крепости не было возможным даже для одного из лучших полководцев, к числу которых, несомненно, принадлежал генерал

Ноги. С другой стороны, цель и условия успешного окончания всей войны требовали самых быстрых из возможных решений этой задачи; в то же время громадная вероятность была за то, что даже очень большие жертвы, если бы они оказались необходимыми для взятия крепости штурмом, все же окупились бы с лихвой. Они освободили бы японскую армию для операций на других театрах войны, завершили бы одну из самых существенных задач до того момента, как неприятель, т.-е. русская армия, успел бы перекинуть на далекий театр войны большие силы, лучше их подготовить и, может-быть, притти к положению, когда она оказалась бы во много раз сильнее японской армии.

Если посмотреть на развитие военной операции в целом и на те условия, в которых действовала японская армия, то мы должны будем притти к выводу, что эти штурмы на Порт-Артур означали не только величайшее геройство армии, оказавшейся способной пойти на громадные жертвы, но и означали также то единственно возможное в тогдашних условиях, т.-е. в начале операций, что являлось необходимым и полезным, потому что без проверки сил на практической задаче взятия крепости штурмом, без испытания силы сопротивления не было оснований предпринять борьбу, более длительную и более тяжелую борьбу, которая в силу уже своей длительности таила в себе целый ряд другого рода опасностей. С точки зрения операции в целом мы не можем не рассматривать и первую часть ее, состоящую в штурмах и атаках, как часть необходимую, как часть полезную, потому что, повторяю, без такого опыта у японской армии не могло быть достаточного знания конкретных условий борьбы. Каково было положение этой армии, когда она заканчивала период борьбы против враждебной крепости путем штурмов? Вот уложили тысячи и тысячи и уложим еще тысячи, а крепости таким путем не взять,—таково было положение, когда часть или большинство стало приходить к выводу, что надо отказаться от штурма и перейти к осаде. Если оказалась ошибка в тактике, то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и

перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах и действиях. То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному, и которые, как мы знаем, кончились полным успехом, хотя и в период несравненно более долгий, чем предполагалось.

Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства. Два периода в этом отношении выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой—тот период, в котором мы находимся с весны 1921 г.

Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью,– я даже не припомню исключений,— из предположений, не всегда, может-быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том что такое предположение у нас действительно было.

Это был как раз тот период, когда уже была решена такая существенная, и в политическом отношении по необходимости являющаяся предварительной, задача, как задача взятия власти, создания советской системы государства на место прежней буржуазно-парламентарной, и затем задача выхода из империалистической войны, при чем этот выход, как известно, был сопряжен с особо тяжелыми жертвами, с заключением невероятно унизительного, ставившего почти невозможные условия, Брестского мира. После заключения

этого мира период с марта по лето 1918 г. был периодом, когда военные задачи казались решенными. Впоследствии события показали, что это было не так, что в марте 1918 г., после решения задачи империалистической войны, мы только подходили к началу гражданской войны, которая с лета 1918 г. в связи с чехо-словацким восстанием стала надвигаться все больше и больше. Тогда, в марте или апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противополагали методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы, преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою, главным образом, первые месяцы революции, т.-е. конец 1917 и начало 1918 г. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы экспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д., и, таким образом, ставилась передвижка от задачи экспроприации, разрушения власти эксплоататоров и экспроприаторов, к задаче организации учета и контроля, к прозаическим, так-сказать, хозяйственным задачам непосредственного строительства. И тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно было итти назад. Напр., в марте и апреле 1918 г. встал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т.-е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое, вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 г. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный „компромисс“ (я употребляю то слово, которое тогда употреблялось). Решением ВЦИК от 29 апреля 1918 г. было признано необходимым эту перемену в общей системе оплаты произвести.

Свою строительную хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую по сравнению с предыдущей экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы—система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорим, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле. Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, мы поставили, напр., весною 1918 г. вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы. На это обстоятельство я хотел бы в особенности обратить ваше внимание потому, что это мне кажется необходимым для понимания того, в чем состояла перемена нашей экономической политики, и как эту перемену надо оценить.

Я приведу пример, который конкретнее, нагляднее мог бы показать условия, в которых развертывалась наша борьба. Недавно мне в Москве пришлось видеть частный „Листок Объявлений“. После трех лет предыдущей нашей экономической политики этот „Листок Объявлений“ произвел впечат-

ление чего-то совершенно необычного, совершенно нового, странного. Но с точки зрения общих приемов нашей экономической политики тут ничего странного нет. Нужно припомнить, если взять этот маленький, но довольно характерный пример, как шло развитие борьбы, каковы были ее задачи и приемы в нашей революции вообще. Одним из первых декретов в конце 1917 г. был декрет о государственной монополии на объявления. Что означал этот декрет? Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям, возможно более постепенным—не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного капитализма. Декрет, который устанавливал государственную монополию на объявления, тем самым предполагал, что остаются частнопредпринимательские газеты, как общее явление, что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности,—остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях. Таков был и только таким мог мыслиться декрет о монополизации частных объявлений. Сходство с этим имеется и в декретах, касающихся банковского дела, но, чтобы не осложнить примера, я об этом говорить не буду.

Какова же была судьба декрета о монополизации частных объявлений, изданного в первые недели существования Советской власти? Судьба его была такова, что он скоро был сметен совершенно. Припоминая теперь развитие борьбы и условия, в которых она шла с тех пор, смешно по нынешним временам вспомнить о том, насколько мы были наивны, что могли говорить в конце 1917 г. о введении государственной монополии на частные объявления. Какие частные объявления могли быть в период отчаянной борьбы! Неприятель, т.-е. капиталистический мир, на этот декрет Советской власти ответил продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения, до конца. Декрет предполагал, что Советская власть, пролетарская диктатура, так упрочена, что никакой другой экономики быть не может, что необходимость

подчиниться ей настолько очевидна для всей массы частных предпринимателей и отдельных хозяев, что борьба ими будет принята на той почве, на которую мы, как государственная власть, эту борьбу ставили. За вами,—говорили мы,—остаются частные издания, остается частная предприимчивость, остается необходимая для обслуживания этих предприятий свобода объявлений, устанавливается лишь государственный налог на них, устанавливается лишь концентрация их в руках государства, а сама по себе система частных объявлений не только не разрушается, а, наоборот, вам дается некоторая выгода, всегда связанная с правильной концентрацией дела осведомления. Но на деле получилось то, что борьбу мы должны были развернуть совсем не на этом поприще. Неприятель, т.-е. класс капиталистов, ответил на этот декрет государственной власти отрицанием всей этой государственной власти полностью. Ни о каких объявлениях не могла итти речь, потому что все, что осталось буржуазно-капиталистического в нашем строе, направляло уже тогда все свои силы на борьбу за самые основы власти. Нам, которые предложили капиталистам: „подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти,—и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования",—нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали.

Из декрета о монополизации частных объявлений не получилось ничего,—он остался пустой бумажкой, а жизнь, то-есть сопротивление класса капиталистов, заставила нашу государственную власть всю борьбу перенести в совершенно другую плоскость, не на такие пустяковые, до смешного мелкие вопросы, которыми мы в конце 1917 года имели наивность заниматься, а на вопрос: быть или не быть,—сломить саботаж всего служащего класса, отбить армию

белогвардейцев, получившую поддержку буржуазии всего мира.

Этот частный эпизод с декретом об объявлениях дает, мне кажется, полезные указания в основном вопросе об ошибочности или неошибочности старой тактики. Конечно, оценивая сейчас события в перспективе последующего исторического развития, мы не можем не находить этот наш декрет наивным и в известном смысле ошибочным, но в то же время в нем было правильным и то, что государственная власть—пролетариат—сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так-сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки. Неприятель же, т.-е. класс буржуазии, пустил в ход все приемы, чтобы толкнуть нас на самое крайнее проявление отчаянной борьбы. Стратегически, с точки зрения неприятеля, было ли это правильно? Конечно, было правильно, потому что, не испытавши в этой области своих сил путем непосредственной схватки, каким образом буржуазия вдруг подчинилась бы совершенно новой, еще никогда небывалой пролетарской власти? „Извините, господа почтенные,—отвечала нам буржуазия,—мы с вами поговорим вовсе не об объявлениях, а о том, не найдется ли у нас еще Врангеля, Колчака, Деникина, и не будет ли им оказана помощь международной буржуазией для решения вопроса вовсе не насчет того, будет ли у нас государственный банк или нет". На этот счет, о госбанке, у нас в конце 1917 года было написано, как и насчет объявлений, весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только исписанной бумагой.

Буржуазия отвечала нам тогда правильной, с точки зрения ее интересов, стратегией: „Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса,—есть ли вы вообще государственная власть, или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, насилием, и это, вероятно, будет война не только капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заин-

тересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия". Поступая так, буржуазия, с точки зрения отстаивания своих интересов, поступала правильно. Она не могла, имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса самыми сильнодействующими средствами—войной,—она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала Советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку. „Никакого перехода, и ни к какому новому!"—вот как отвечала буржуазия.

Вот почему получилось то развитие событий, которое мы теперь видим. С одной стороны, победа полетарского государства с необычным величием борьбы, которое характеризовало весь период 1917 и 1918 гг., в условиях необычайного народного воодушевления; с другой—попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку, что выразилось, между прочим, и в указанном мною маленьком примере. Вместо этого она получила, как ответ, из неприятельского лагеря решимость на беспощадную борьбу для определения того, может ли она, Советская власть, как государство, в системе экономических международных отношений удержаться. Этот вопрос мог быть решен только войной, которая в свою очередь была чрезвычайно ожесточенной, как гражданская война. Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода. В этой логике борьбы буржуазия, сказал я, поступала со своей точки зрения правильно. А что могли сказать мы? „Вы, господа-капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем, дополнительно, после того, как вы оказались побиты на поприще политическом вместе с вашей учредилкой". Иначе мы поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций.

Припомните условия развития нашей борьбы, и вы поймете, в чем состояла эта, кажущаяся неправильной и случайной, смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко

совершить разгон учредилки, и почему в то же время мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разоряла Россию три года.

К весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке „штурмовым" способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от „штурма" к „осаде".

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы. Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, и мы побеждали Колчаков и К° потому, что не боялись признавать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделывать по многу раз недоделанное или сделанное плохо.

Так же надо поступать в области гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической. Не бояться признать поражения. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни чорта не стоят.

А я надеюсь, что про большевиков, закаленных 3-летним опытом гражданской войны, этого сказать никому не удастся, за исключением единичных случаев. Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя

научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаз на неправильность старых приемов.

Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственно социалистического строительства в условиях неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы,—перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом оступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма.

Я не могу сегодня касаться цифр или итогов, или фактов, которые показали бы, что нам дала эта политика возврата к государственному капитализму. Я приведу только один небольшой пример. Вы знаете, что одним из главных центров нашей экономики является Донецкий бассейн. Вы знаете, что мы имеем там крупнейшие бывшие капиталистические предприятия, стоящие на уровне капиталистических предприятий Западной Европы. Вы знаете также, что наша задача там была—сначала восстановить крупные промышленные предприятия: с большим числом рабочих нам легче приступить к восстановлению донецкой промышленности. Но что же мы видим там теперь, после весеннего поворота в политике? Мы наблюдаем там обратное—особенно успешное развитие производства в мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма. Крестьянские шахты хорошо работают, доставляя государству, в виде аренды, около 30 проц. добываемого на них угля. Развитие производства в Донбассе показывает общее значительное улучшение по сравнению с катастрофическим положением лета текущего года, и в этом улучшении немалую роль играет улучшение производства в мелких шахтах, эксплоатация их на началах

государственного капитализма. Я не могу здесь заняться разбором всех соответствующих данных, но вы все же можете наглядно видеть на этом примере известные практические результаты перемены политики. Оживление экономической жизни,—а это нам нужно во что бы то ни стало,—повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало,—все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма. От нашего искусства, от того, насколько правильно мы применим эту политику дальше, будет зависеть и то, насколько удачны будут дальнейшие результаты.

Теперь я возвращаюсь к развитию своей основной мысли. Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма—оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным. И вот почему. Если вернуться к сравнению, о котором я говорил вначале (о штурме и осаде на войне), то мы еще не закончили нового перемещения войск, перераспределения материальных частей и т. д., словом не закончили подготовки новых операций, которые теперь, сообразно новой стратегии и тактике, должны пойти по-иному. Если мы сейчас переживаем переход к государственному капитализму, то спрашивается, надо ли добиваться того, чтобы приемы деятельности, соответствовавшие предыдущей экономической политике, нам теперь не мешали? Само собой разумеется,—и наш опыт нам это показал,—нам этого надо добиться. Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму и говорили о наших задачах именно, как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 года было приспособлено к поднятию товарообмена. Что заключалось в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты

земледелия, и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось,—сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы,—что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!

Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление. Вот почему в данный момент сознание того, что прежние приемы экономической политики ошибочны, должно быть среди нас общепризнанным. Мы должны это знать, чтобы ясно дать себе отчет, в чем сейчас гвоздь положения, в чем своеобразие того перехода, перед которым мы стоим. Задачи внешние не стоят перед нами сию минуту, как неотложные. Не стоят, как неотложные, и военные задачи. Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству.

С нашим делом (экономическим) мы не могли еще сладить в течение 3 лет. При той степени разорения, нищеты и культурной отсталости, какие у нас были, решить эту задачу в такой краткий срок оказалось невозможным. Но штурм в общем не прошел бесследно и бесполезно.

Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти

еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстановить экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся. Другого выхода нет; а, между тем, сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо. Когда, например, говоришь: перед нами задача, чтобы государство стало оптовым торговцем, или научилось вести оптовую торговлю, задача коммерческая, торговая,—это кажется необычайно странным, а некоторым и необычайно страшным. „Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма? Не следует ли по сему случаю окончательно притти в уныние и сказать: ну, все потеряно!" Такого рода настроения, я думаю, если поглядеть кругом себя, можно подметить, а они чрезвычайно опасны, потому что эти настроения, получи они широкое распространение, служили бы лишь к засорению глаз для многих, к затруднению трезвого понимания наших непосредственных задач. Скрывать от себя, от рабочего класса, от массы то, что в экономической области и весной 1921 г., и теперь осенью—зимой 1921—1922 гг. мы еще продолжаем отступление,—это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны.

Если бы армия, убедившись, что она неспособна взять крепость штурмом, сказала бы, что она не согласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым приемам решения задачи,—про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать,—тот войны не окончит победоносно. Таких войн, которые бы начинались

и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения. И это—если говорить об обыкновенных войнах. А при такой войне, когда решается судьба целого класса, решается вопрос: социализм или капитализм,—есть ли разумные основания предполагать, что народ, в первый раз решающий эту задачу, может найти сразу единственный правильный, безошибочный прием? Какие основания предполагать это? Никаких! Опыт говорит обратное. Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять. Потерпевши поражение, взяться второй раз, все переделать, убедиться, каким образом можно подойти к решению задачи, не то, чтобы к окончательно правильному решению, но к решению, по крайней мере, удовлетворительному,—так мы работали, так надо работать и дальше. Если бы при той перспективе, которая открывается перед нами, в наших рядах не оказалось бы единодушия, это было бы самым печальным признаком того, что чрезвычайно опасный дух уныния поселился в партии. И наоборот, если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся, побеждать все и всякие трудности.

Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений. Испугаемся ли мы этой задачи? Или скажем, что это задача не коммунистическая? Это значило бы не понимать революционной борьбы, не понимать характера этой борьбы, самой напряженной и связанной с самыми крутыми переменами, от которых мы отмахнуться ни в коем случае не можем.

Я подведу теперь некоторые итоги.

Я коснусь вопроса, который занимает многих. Если мы теперь, осенью и зимой 1921 года, совершаем еще одно отступление, то когда же эти отступления кончатся? Такой вопрос прямо или не совсем прямо нам приходится слышать нередко. Но этот вопрос напоминает мне подобного же рода вопрос в эпоху Брестского мира. Когда мы заключили Брестский мир, нас спрашивали: „если вы уступили герман-

скому империализму то-то и то-то, то когда же будет уступкам конец и где гарантия, что эти уступки кончатся? И, делая их, не увеличиваете ли вы опасности положения?" Конечно, мы увеличиваем опасность своего положения, но не надо забывать основных законов всякой войны. Стихия войны есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями. А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу.

То положение, которое создала наша новая экономическая политика—развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., все это есть развитие капиталистических отношений, и не видеть этого—значило бы совершенно потерять голову. Само собою разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности. А можете ли вы мне указать хоть какой-нибудь путь в революции, какие-нибудь ее этапы и приемы, где бы не было опасности? Исчезновение опасности означало бы конец войны и прекращение диктатуры пролетариата, но об этом, конечно, никто из нас сию минуту не мечтает. Всякий шаг в этой новой экономической политике означает целый ряд опасностей. Когда мы весной говорили, что мы заменяем разверстку продналогом, что мы декретируем свободу торговли излишками, остающимися от продналога, мы тем самым давали свободу развития капитализма. Не знать этого значило бы совершенно потерять понимание основных экономических отношений и лишить себя возможности осмотреться и правильно действовать. Конечно, изменились приемы борьбы,—изменились и условия опасности. Когда решался вопрос о власти Советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики. Эта опасность оказалась ничтожной. А когда наступила эпоха гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная,—она была уже более грозной. Когда же мы изменили свою экономическую политику, опасность стала еще большей, потому что, состоя

из громадного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обыкновенно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения, и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам преодоления ее. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д.,—это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно.

Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения, и что именно в этой области мы должны проявить себя. Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих,—полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства. Противоречий стало больше. И понятно, что пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя.

Мне хотелось бы в заключение подчеркнуть три главные темы моего доклада. Первая—общий вопрос: в каком смысле мы должны признать ошибочность экономической политики нашей партии в период, предшествовавший новой экономической политике? Я постарался на примере из одной войны пояснить необходимость перехода от штурма к осаде, неизбежность штурма сначала и необходимость сознать значение новых приемов борьбы после неудачи штурма.

Дальше. Первый урок и первый этап, определившийся к весне 1921 г.,—развитие государственного капитализма на новом пути. В этом отношении имеются некоторые успехи, но есть и небывалые противоречия. Мы еще не овладели этой областью.

И третье—после того отступления, которое мы должны были произвести весной 1921 г. от социалистического строительства к государственному капитализму, мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения; как ни кажется нам далекой от коммунизма область торговли, а именно в этой области перед нами стоит своеобразная задача. Только решив эту задачу, мы сможем подойти к решению экономических потребностей, абсолютно неотложных, и только так мы можем обеспечить возможность восстановления крупной промышленности путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным.

Вот главное, что мы должны по вопросу о новой экономической политике иметь перед глазами. Мы должны при решении вопросов этой политики ясно видеть основные линии развития для того, чтобы разобраться в том кажущемся хаосе, который мы сейчас в экономических отношениях наблюдаем, когда рядом с ломкой старого мы видим слабые еще ростки нового, видим нередко и приемы нашей деятельности, не отвечающие новым условиям. Мы должны, поставив себе задачу повышения производительных сил и восстановления крупной промышленности, как единственной базы социалистического общества, действовать так, чтобы правильно подойти к этой задаче и ее во что бы то ни стало решить.

РЕФОРМА и РЕВОЛЮЦИЯ

Статья „О значении золота теперь и после полной победы социализма“

5-го ноября 1921 г.

О значении золота теперь и после полной победы социализма.

Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции—это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще не решенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор) для решения этих задач.

Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к „реформистскому", постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства. Эта „новизна" вызывает ряд вопросов, недоумений, сомнений, и теоретических, и практических.

Теоретический вопрос: как объяснить переход после ряда самых революционных действий к чрезвычайно „реформистским" действиям на том же поприще, при условии общего победоносного хода всей революции в целом? Нет ли тут „сдачи позиций", „признания краха" или чего-либо подобного? Враги, конечно, говорят, что есть, начиная от реакционеров полуфеодального типа и кончая меньшевиками или другими рыцарями $2^1/_2$ Интернационала. На то они и враги, чтобы выкрикивать заявления подобного рода по всем поводам и без всяких поводов. Трогательное единство в этом вопросе всех партий—от феодалов до меньшевиков—только лишний раз доказывает, что против пролетарской революции являются действительно „одной реакционной массой"

все эти партии (как предвидел, в скобках сказать, Энгельс в своих письмах к Бебелю 1875 и 1884 годов).

Но некоторое... „недоумение" есть и среди друзей.

Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом.

С весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не „поставили", а все еще только „ставим" и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это—подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию объявляете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике „огонь, воду и медные трубы", либо ребячество со стороны тех, кто „не прошел"

настоящего искуса. Для настоящего революционера самой большой опасностью,—может-быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать „революцию" с большой буквы, возводить „революцию" в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному, и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае,—но погибнут наверняка в том случае,—если потеряют трезвость и вздумают, будто „великая, победоносная, мировая" революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто „вздумает" такую вещь, тот погиб, ибо он выдумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение.

Откуда следует, что „великая, победоносная, мировая" революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто-теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время,—говорил Энгельс,—и говорил правду. Надо стараться меньше их делать и поскорее исправлять сделанные, учитывая как можно трезвее, какие задачи и когда можно и какие нельзя решать приемами революционными. Наш собственный опыт: Брестский мир был образцом действия совсем не революционного, а реформистского, или даже хуже, чем реформист-

ского, ибо это было действие попятное, а реформистские действия, по общему правилу, идут вперед медленно, осторожно, постепенно, а не пятятся назад. Правильность нашей тактики во время заключения Брестского мира настолько теперь доказана, всем ясна и общепризнана, что не стоит больше терять слов на эту тему.

Вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции. И мы имеем законнейшее право этим гордиться. Пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам: 1) Революционный выход из империалистической всемирной войны; разоблачение и срыв бойни двух всемирных групп капиталистических хищников; это доделано с нашей стороны вполне: со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран. 2) Создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделает и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры. У нас недоделанного в этой области еще очень и очень много. Непростительно было бы не видеть этого. Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и „смущаться“ этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости). 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области не доделано еще самое главное, самое коренное. А это самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной.

Раз самое главное не доделано в основе своей, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода.

„Недостаточно быть революционером и сторонником со-

циализма или коммунистом вообще",—писал я в апреле 1918 г. в „Очередных задачах советской власти",—надо уметь найти в каждый момент то особое звено, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи".

В данный момент, в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля—вот то „звено" в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, „за которое надо всеми силами ухватиться" нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко „ухватимся", мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать.

Это кажется странным. Коммунизм—и торговля!? Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить э к о н о м и ч е с к и, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия.

Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым „справедливым" и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в „великой освободительной" войне 1914—1918 годов, в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, Брестский или Версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 года, не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде.

Но как ни „справедливо", как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же беречь надо в Р.С.Ф.С.Р. золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить—по-волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской пословицы: „не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати..."

Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов,—индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным „надстройкам" и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это „если" уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализировать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи „штурмовой атакой", и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных „осадных" действий.

Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может. Маленький, совсем маленький пример: в Донбассе началось небольшое, очень еще небольшое, но несомненное экономическое оживление, отчасти благодаря повышению производительности труда на крупных государственных шахтах, отчасти же благодаря сдаче в аренду мелких крестьянских шахт. Пролетарская государственная власть получает таким образом небольшое (с точки зрения передовых стран мизерно-маленькое, а при нашей нищете все же заметное)

количество добавочного угля по себестоимости, скажем, в 100 процентов, а продает его отдельным государственным учреждениям по 120 проц., отдельным частным лицам по 140 проц. (Замечу в скобках, что цифры эти я беру совершенно произвольные, во-первых, потому, что я не знаю точных цифр, а во-вторых, потому, что если бы я их знал, я бы их сейчас не опубликовал). Это похоже на то, что хотя бы в самых скромных размерах мы начинаем овладевать оборотом между промышленностью и земледелием, овладевать оптовой торговлей, овладевать задачей: уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность, или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему, рядовому крестьянину (а это—массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности.

Не дадим себя во власть „социализму чувства" или старорусскому, полубарскому, полумужицкому патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших более широких и глубоких мер, как-то: электрификации.

Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата—азбукой, которую извращают и затем-

няют продажные вожди 2-го Интернационала и полупедантские, полужеманничающие рыцари $2^1/_2$ Интернационала. После победы пролетариата, хотя бы в одной стране, является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма. Почему мы смогли применить правильно брестское отступление? Потому, что мы так далеко зашли вперед, что нам было где отступать. Мы с такой головокружительной быстротой, в несколько недель, с 25 октября 1917 г. до Брестского мира, построили Советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию, что даже громадное попятное движение (Брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться „передышкой“ и двинуться победоносно вперед, против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля.

До победы пролетариата реформы— побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы—они (будучи в международном масштабе тем же самым „побочным продуктом“) являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой „запас сил“, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении,— продержаться и в материальном, и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле,—это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле,—это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы

отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед.

НЕ БОЯТЬСЯ УЧИТЬСЯ У КУПЦА

Из речи на IX всероссийском съезде Советов

23-го декабря 1921 г.

Из речи на IX всероссийском съезде Советов.

...Теперь в области нашей экономической политики мне хочется подчеркнуть еще одну сторону дела. При оценке нашей новой экономической политики недостаточно обращать внимание на то, что может быть особенно важно. Конечно, сущность новой экономполитики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность—в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем. Поднятие производительных сил во что бы то ни-стало теперь уже началось, благодаря новой экономической политике. Есть еще одна сторона новой экономполитики—возможность учиться. Новая экономическая политика есть та форма, у которой учиться хозяйничанью мы начнем настоящим образом, а в этом отношении до сих пор мы работали из рук вон плохо. Конечно, коммунистическому руководителю, профсоюзному руководителю трудящихся масс трудно представить себе, что торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем. Если взять любого купца, торгующего под контролем государства и суда (суд у нас пролетарский, и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах; недавно в Москве этот пример был, и все вы хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными

предпринимателями), то мы увидим, что все же этот купец, этот частный предприниматель за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, скажем, в приобретении сырья для промышленности так, как сплошь и рядом не сумеют сделать никакие коммунисты и профсоюзники. И вот тут-то—значение новой экономической политики. Учитесь, это учение очень серьезное, мы все его должны проделать. Это учение чрезвычайно свирепое. Оно не похоже на чтение лекций в школе и на сдавание тех или иных экзаменов. Это есть проблема в тяжелой, суровой экономической борьбе, поставленная в обстановку нищеты, в обстановку неслыханных тяжестей, трудностей, бесхлебья, голода, холода, но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать. Здесь всякая попытка от этой задачи отмахнуться, всякая попытка закрыть глаза, что мы, мол, тут в стороне, будет самым преступным и самым опасным чванством, коммунистическим и профессиональным. Этим грешком мы, товарищи, все управляющие Советской Россией, очень страдаем, и надо это сознать с полной откровенностью, чтобы от этого недостатка избавиться. Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка. Здесь я приведу вам одну французскую поговорку, которая говорит, что обыкновенно у людей недостатки имеют связь с их достоинствами. Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжаются больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии нашей революции, наших партий и наших профсоюзов, которые являются главнейшей опорой партии, на всем аппарате, управляющем Советской Россией, и мы наблюдаем этот недостаток, который явился как бы продолжением наших достоинств. Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох. Какие-бы мучения нам ни пришлось еще выдержать, у нас

этого никто назад взять не может, и из империалистической войны, и из наших бедствий мы вышли, только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это—достоинство непререкаемое, непреложное, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как-раз, если его продолжить там, где не надо,—становится самым опасным недостатком. Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма на данной ступени сознания рабочих и крестьян. Они поняли все, что война империалистическая их душит, им нужен был подъем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда памятником того, что делает революция и что она могла делать, помогли решить эти задачи. Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в том-то и ошибка: когда обстановка изменилась, и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить их вчерашним приемом. Не пытайтесь, не решите! И эту ошибочность нам надо сознать. Работники коммунистические и работники профсоюзские, которые сплошь и рядом от черной, тяжелой, многолетней хозяйственной работы, требующей выдержки, тяжелых испытаний, длительной работы, аккуратности и настойчивости, в качестве ли советских работников, в качестве ли вчерашних бойцов, отошли от нее, отмахиваются, отговариваются воспоминаниями о том, что мы великое сделали вчера. Вы мне напоминаете басню про гусей, которые кичились, что „Рим спасли", но которым на это крестьянин ответил хворостиной. „Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?" То, что в 1917—18—19—20 гг. мы решили наши задачи политические и военные с тем героизмом, с тем успехом, который теперь всемерно завоеван, которым мы положили начало новой эпохи всемирной истории, этого не отвергает никто. Это принадлежит

нам, и ни у кого ни в партии, ни в профсоюзах нет попытки отнять это у нас, но перед советскими работниками и перед работниками профсоюзов, перед вами сейчас лежит задача другая. Сейчас вы окружены капиталистическими державами, которые вам не помогут, а помешают, вы сейчас работаете в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия. Либо научитесь работать иным темпом, считая работу 10-летиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусями. Любой профессионалист, политический работник, когда он говорит общую фразу, что, мол, вот мы, профсоюзы, мы, коммунистическая партия, управляем,—это хорошо: в области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делаем скверно. Надо сознать и делать лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать, а лучше ответьте мне на вопрос практически и скажите (если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза): где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено—тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех, кого вы ставите на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел браться, а потом по недосугу ни одного не решить. У нас, в советских нравах, бывает не так, чтобы хозяйство довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у того купца, который 100% прибыли возьмет и еще себе заберет, а так, что напишут прекрасную резолюцию о сырье, и скажут, что мы, мол, представители коммунистической партии, профсоюза, пролетариата. Извините, пожалуйста. Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат? Где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому что нет сырья? А вы сумели его собрать? Нет. Напишите резолюцию, чтобы его собрали,—и сядете в лужу,

и скажут—глупость и, стало-быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим. На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло итти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т.-е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять, нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох. Давайте его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс—это я знаю превосходным образом, и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в этом дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо тем многочисленным недостаткам, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу...

ПРОВЕРКА ЛЮДЕЙ И ДЕЛА— ГВОЗДЬ РАБОТЫ

Из речи на всероссийском съезде металлистов

Март 1922 г.

Из речи на всероссийском съезде металлистов.

... Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий. Мы не подражали никому из тех, кто слово „революция“ пишет с большой буквы, как это делают эсеры. Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а и иногда и больше. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно—этому мы, революционеры, должны научиться. Мы сделали в эту революцию так много неотлагаемого, что уже окончательно победили. Об этом знает весь мир и нам смущаться и нервничать ни в каком случае не надо. Сейчас положение такое, что мы, опираясь на произведенную разведку, делаем проверку того, что нами сделано. Эта проверка имеет очень важное значение, от нее мы должны направляться дальше. И когда нам предстоит выдержать борьбу с капиталистами, нам нужно решительно проводить наш новый путь. Нам нужно построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области. У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист—человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошед-

ший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста. И вот он имеет все неоспоримые достоинства, как коммунист, а купец-то его все-таки вздует, и отлично сделает. Ибо напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда надо ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист. Вот здесь-то и сказывается наша обломовщина. Мы на практическую торговую работу насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных. Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца, у нас имеются горы бумаг и нужно 50 лет работы Истпарта, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гостресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает. Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно, и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки. Исполняются ли у нас постановления коммунистических ответственных работников? Умеют ли они это дело поставить? Нет, этого нет, и вот почему изменяется и гвоздь нашей внутренней политики. Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра. После того, как мы начали чистку партии и сказали себе: „Шкурников, примазавшихся к партии, воров—долой",—стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим, как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала это в области военной. Конечно, эта работа не только нескольких месяцев, но и не одного года.

Мы должны отличаться твердокаменностью в этом вопросе. Мы не боимся сказать, что характер нашей работы изменился. Самый худший у нас внутренний враг—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту, и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее покрывает. От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может.

Заканчивая свою речь, я подведу краткий итог. Игра в Геную, игра в чехарду, которая около нее происходит, ни мало нас не заставит колебаться. Теперь уже нас не поймают. Мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены. То, что мы до сих пор дали купцам в наших договорах, мы сделали в смысле шага назад в нашем законодательстве, и дальше мы не пойдем.

В связи с этим изменяются наши главные задачи во внутренней, особенно экономической политике. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения. Следующая чистка пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами. Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы, все те, кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудрое и оправдываются тем, что новая экономическая политика, и надо что-нибудь выдумать новое. А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу. Проверять людей и проверять фактическое исполнение

цела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет. Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды. Тогда мы в этой новой области окажемся такими же победителями, какими до сих пор оказывались во всех областях работы, за которые большевистская пролетарская власть, поддержанная крестьянской массой, принималась.

О СПОСОБАХ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД

Из доклада о деятельности ЦК РКП на XI съезде РКП

27-го марта 1922 г.

Из доклада о деятельности ЦК РКП на XI съезде РКП.

...Смычки с крестьянской экономикой, с той новой экономикой, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь? Еще нет. Мы к ней только подходим. Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует,—все значение в этом, и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем. И в этом наша заслуга, и без этого мы бы не были коммунистами-революционерами. Новую экономику мы стали строить совершенно по-новому, ни с чем старым не считаясь. И если бы мы ее не начали строить, то мы были бы разбиты на-голову в первые же месяцы.

Мы с самого начала говорили, что нам приходится приступать к непомерно новому делу. И если нам быстро не помогут товарищи рабочие стран, более развитых в капиталистическом отношении, то дело наше будет невероятно трудным, и мы допустим, несомненно, ряд ошибок. Главное надо трезво уметь смотреть, где и какие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче. Надо помнить, что основная решающая, все себе остальное подчиняющая, задача новой экономической политики -это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, очень плохо, очень неумело, но все же начали

строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить.

Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин, и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительнейшей голодной смерти). Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь. Надо сделать так, чтобы простому, рядовому, трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения — бывали, несомненно, улучшения, и очень крупные, — был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет. Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина, — доказать что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо.

Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики. Здесь — главный наш урок за весь прошедший год применения новой экономической

политики и главное наше, так-сказать, политическое правило на год наступающий. Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. „Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения. Вы умеете вы это доказали". Вот какой экзамен на нас неминуемо надвигается, и он решит в последнем счете судьбу нэп'а и коммунистической власти в России.

Сумеем мы доделать непосредственное дело, или нет? Что новая экономическая политика пригодится ли на что-нибудь, или нет? Если окажется правильным отступление,—то сомкнуться, отступивши с крестьянской массой, и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно, итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят. Еще до сих пор, за первый год, мы не достигли этого. Это надо сказать прямо. И я глубоко убежден (а наша новая экономическая политика дает возможность сделать этот вывод), что если мы усвоим всю громадную опасность, которая в новой экономической политике заключается, и направим наши силы на слабые пункты, то тогда мы эту задачу решим.

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики.

Второй, более частный урок—это проверка соревнования государственных и капиталистических предприятий. У нас

теперь создаются смешанные общества—я немного о них скажу дальше,—которые, как и вся наша государственная торговля, и вся наша новая экономическая политика, являются применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических. Они имеют и то значение, что тут устанавливается практическое соревнование способов капиталистических и способов наших.

Мы до сих пор писали программы и обещали. В свое время это было совершенно необходимо. Без программы и обещаний выступить с мировой революцией было нельзя. Если нас за это белогвардейцы, и в том числе меньшевики, ругают, то это только показывает, что меньшевики и социалисты 2-го и $2^1/_2$-ного Интернационалов не имеют никакого понятия о том, как революции делаются. Иначе мы начать не могли.

Но сейчас дело обстоит так, что мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную, не ту, которая бывает через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые, хотя бы эти контрольные учреждения и в системе советских учреждений, и в системе партийных учреждений были бы почти-что идеальными контрольными учреждениями. Не эта проверка нам нужна, а та, которая является проверкой с точки зрения массовой экономики.

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая.

Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Ведь, вот какие голоса раздавались в прошлом году весной. Они не всегда ясно слышались, но составляли подпочву всего прошлогоднего весеннего кризиса. „Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете". Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих направили против коммунистической партии. И вот почему пункт в вопросе о нэп'е, этот старый пункт приобретает такое значение.

Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы— вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие расписаны, и расписаны так, что вы, святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Нужна проверка, настоящая проверка, да проверка не такая, что ЦК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, — нет, а проверка настоящая, с точки зрения народной экономики.

Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов, от помещиков,—крестьянство это ценит, и оно в кредит отсрочки давало, но все до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие?

Вот первый урок, первая главная часть политического доклада ЦК. Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано. Я бы очень хотел взять, например, несколько гострестов (если выражаться этим прекрасным русским языком, которым так хвалил Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать.

Но, к сожалению, по ряду причин и в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит. За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок. Если бы все коммунисты, ответственные работники, ясно сознали: не умеем, давайте учиться с начала, тогда мы бы выиграли дело. Это, по-моему, был бы основной и коренной вывод. Но этого не сознают и уверены, что если кто так думает, то это неразвитой народ. Не учились, мол, коммунизму. Может-быть, поймут, поучатся. Нет, извините, не в том дело, что в оценке этого крестьянин, беспартийный рабочий не учился коммунизму, а в том дело, что миновали времена, когда нужно было развить программу и призвать народ к ее исполнению. Это время прошло, теперь нужно доказать, что вы при нынешнем

трудном положении умеете практически помочь хозяйству рабочего и мужика, чтобы они видели, что соревнование вы выдержали.

Смешанные общества, которые мы начали создавать, в которых участвуют и частные капиталисты, русские и заграничные, и коммунисты, эти общества—одна из форм, в которой можно правильно поставить соревнование, показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед.

Вот какое соревнование стоит перед нами, как неотложная задача. Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по моему убеждению, суть партийной политики. У нас чисто-политических вопросов и трудностей сколько-угодно. И вы их знаете: и Генуя, и опасность интервенции. Трудности велики, но они все ничтожны по сравнению с этой трудностью. Там мы уже видели, как это делается, там мы научились многому, испытали буржуазную дипломатию. Это такая штука, которой нас меньшевики 15 лет учили и кое-чему полезному научили. Это не ново.

Но вот выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме, а станет ему говорить, что ежели нужно достать, правильно сторговать, суметь построить, то я-то построю дорого,—коммунисты, может-быть, построят подешевле, а может-быть,—в десять раз дороже. Вот какая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики.

Повторяю, отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски,—векселя, но сроки на этих векселях не написаны. Когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных торговых векселей. На это нам надо обратить все внимание, не успокоиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах: толку от этого нет никакого, потому

что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, кичванство, выражаясь тем же великим русским языком. Коммунист и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился, и не хочет учиться, и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма,—он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот мы, товарищи, должны с этого съезда уйти с убеждением, что мы этого не знали и будем учиться с азов. Все-таки мы не перестали быть революционерами, хотя многие говорят, что мы обюрократились. Мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз. Начали, уперлись в тупик, начинай снова, и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а, может-быть, белогвардеец (и наверное, белогвардеец), но он умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и „кавалера" коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

Кое-какие, хотя и малюсенькие, успехи у нас за этот год есть, но они ничтожны. Главное—то, что нет сознания и широко распространенного, всеми коммунистами разделяемого убеждения, что сейчас у нас, у русского ответственного и преданнейшего коммуниста, этого умения меньше, чем у любого старого приказчика. Надо, повторяю, начать учиться с начала. Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим,

а экзамен серьезный, экзамен, который устранит приближающийся финансовый кризис, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться. Экзамен этот серьезный, ибо тут могут побить нас экономически и политически.

Вопрос стоит так и только так, потому что тут соревнование серьезное, и это соревнование решающее. Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей, и мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умели все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, использовать, но больше у нас никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, „последний и решительный бой" не с международным капитализмом,—там еще много будет „последних и решительных боев",—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить.

Чтобы выдержать этот экзамен, для этого мы имеем политическую власть и целую кучу всяких экономических и других ресурсов,—все, чего хотите, кроме уменья. Уменья нет, и вот если мы этот простой урок извлечем из опыта минувшего года и сделаем его руководящим для себя на весь 1922 год, тогда мы и эту трудность победим, несмотря на то, что она гораздо больше, чем предыдущая трудность, потому что она лежит в нас самих.

По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги, а там написано совершенно не про то, там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать

ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим без цитат. Наша пресса, которую я попытался обозреть, готовясь к настоящему докладу по вопросу о государственном капитализме, не про то говорит и совсем мимо стреляет, глядит совершенно в другую сторону. Государственный капитализм по всей литературе экономической—это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия, а у нас государство пролетарское, пролетариатом избранное, на пролетариат опирается, пролетариату дает все преимущества политические и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к власти буржуазной в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, и руководствует этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что, когда мы говорим „государство", то государство — это мы, это—пролетариат, это—авангард рабочего класса. Государственный капитализм—это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство—это рабочие, это—передовая часть рабочих, это—авангард, это—мы. Государственный капитализм—это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки, и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков этот государственный капитализм будет. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно, экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но

недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы это дело непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только уменье, а его у нас нет. Ведь, это положение совершенно невиданное в истории, когда у пролетариата, революционного авангарда совершенно достаточно политической власти, а на-ряду с этим—государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя. Сумейте вы, коммунисты, вы, рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, чтобы оно по-вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в тот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук, как-будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие. Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машины сидит. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме. Надо в этой основной области учиться с начала, и только тогда, если это станет нашим абсолютным достоянием и сознанием, мы можем ручаться, что мы этому научимся.

Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на съезде металлистов. Я не встретил с тех пор никаких возражений ни

в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном Комитете. Центральный Комитет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответственную директиву уже от имени всей партии, уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась,—она достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая—перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатков в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название „рабочей оппозиции". (Думаю, что они неправильно это название носили). Они от чрезмерного усердия шли в одну дверь, а попали в другую, и теперь наглядно обнаружили это. Тогда они не видели того, что их деятельность была направлена не к тому, чтобы исправить наше движение, а на самом деле их деятельность имела одно значение—сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно.

Отступление—штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно, когда они привыкли наступать несколько лет с гигантским успехом, особенно, если они окружены в других странах революционерами, которые только и мечтают о том, чтобы начать наступление. Видя, что мы отступаем, некоторые из них даже непозволительным образом и по-детски расплакались, как это произошло на последнем расширенном Исполкоме Коминтерна. От самых хороших коммунистических чувств и коммунистических устремлений некоторые товарищи расплакались оттого, что хорошие русские коммунисты, представьте себе, отступают. Может-быть, мне уже теперь трудно перенестись в эту психологию западно-европейскую, хотя я достаточное количество лет

выжил в этих же красных демократических странах и т. д. Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед, и что это в стране, невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок, чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить. Мы не могли удержать всех позиций, которые захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было много места, и мы могли очень далеко отступать и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного. Самая опасная штука при отступлении—это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод, и холод в Москве, „тогда как раньше было чисто, красиво, теперь торговля, спекуляция". У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И вот в этом громадная опасность: отступать после победоносного, великого наступления страшно трудно; тут совершенно иные имеются отношения: там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательной и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей неясно, она не видит, где остановится, а видит лишь отступление, тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали, тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: „стреляй!". И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление, и когда все дело в том,

чтобы хороший порядок сохранить,—в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам, но,—это надо иметь в виду,—еще больше по отношению к таким господам, как меньшевики или все господа из $2^1/_2$ Интернационала.

На-днях я прочел в 20 книжке „Коммунистического Интернационала" статью т. Ракоши о новой книжке Отто Бауера, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет: „Вот они отступают к капитализму, мы всегда говорили: революция—буржуазная".

И меньшевики, и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а, ведь, вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина, во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвутся вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то—это гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике,—это самое главное. И когда меньшевик говорит: „вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе", а мы ему на это говорим: „за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши судьи, а бог знает что такое".

Они никак не могут понять и говорят: „какие у этих людей диктаторские замашки!" Они до сих пор думают, что мы преследуем меньшевиков за то, что они в Женеве дрались. Но если бы мы таким путем шли, то, вероятно, и двух месяцев у власти не продержались бы. Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауер, и руководители второго и двухсполовинного Интернационала, и меньшевики, и эсеры, составляет их собственную натуру: „революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить". А мы на это отвечаем: „позвольте поставить вас за это к стенке, либо

вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться, как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины".

Этого мы забыть не должны.

Когда я говорю об остановке отступления, я вовсе не имею в виду сказать этим, что мы научились торговать. Наоборот, я держусь обратного мнения, и я был бы неправильно понят и было бы доказано, что я не умею правильно излагать свои мысли, если бы от моего выступления осталось подобное впечатление.

Но дело в том, чтобы то нервничанье, та суетливость, которая создалась у нас вследствие нэп'а, стремление создать все по-новому, приспособлять,—чтобы это было приостановлено. У нас сейчас есть ряд смешанных обществ. Правда, их очень немного. У нас, с участием иностранных капиталистов, учреждено девять обществ, утвержденных Внешторгом. Комиссия Сокольникова утвердила 6, и Северолес заключил 2. Сейчас налицо, таким образом, семнадцать обществ с многомиллионным капиталом, утвержденных разными инстанциями (конечно, у нас путаница и в инстанциях достаточная, так что зевок тут тоже возможен). Но, во всяком случае, с русскими и иностранными капиталистами у нас сейчас общества есть. Их немного. Это маленькое, но практическое начало показывает, что коммунистов оценили, оценили с точки зрения их практики, оценили не такие высокие учреждения, как ЦКК и ВЦИК (конечно, ЦКК—учреждение очень хорошее, и мы ему власти теперь дадим побольше). Но все-таки когда эти учреждения проверяют коммунистов, то... представьте себе, что на международном рынке их авторитета не признают. А когда обыкновенные капиталисты, русские и заграничные, идут в смешанное общество с коммунистами, мы говорим: „А все-таки кое-что мы умеем, все-таки, как это ни плохо, как это ни мизерно, но в смысле начала мы уже имеем кое-что". Конечно, не так много; подумайте, уже год, как провозгласили, что всю

энергию (а говорят, энергии у нас много), всю энергию положили на это дело, и за год только семнадцать обществ.

Это показывает, до какой степени мы дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить. Но все-таки, повторяю, начало есть, разведка сделана. Капиталисты не пошли бы к нам, если бы элементарных условий для их действия не было. Но если даже ничтожная часть пошла, это уже показывает, что частичная победа есть.

Конечно, они еще внутри обществ этих вздуют нас, вздуют так, что несколько лет затем придется разбирать. Но это ничего. Я не говорю, что это есть победа, это есть разведка, которая показывает, что у нас уже есть поприще, есть кусок земли, и что мы отступление можем уже приостановить.

Разведкой установлено ничтожное количество договоров с капиталистами, но все таки они заключены. На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться. Идут записки за записками, телефонограммы за телефонограммами: „Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому что у нас нэп?". Все суетятся, получается кутерьма; практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к нэп'у, и результата никакого не получается.

А купцы над коммунистами смеются и, вероятно, приговаривают: „раньше были главноуговаривающие, а теперь—главноразговаривающие". Что над нами капиталисты издевались, что мы опоздали, прозевали,—в этом нет тени сомнения, и в этом смысле я говорю, что нужно и от имени съезда эту директиву утвердить.

Отступление кончено! Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы хотя бы в ничтожном количестве. Перестаньте умничать, рассуждать о нэп'е, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но, экономисты, не рассуждайте о нэп'е, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами.

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая

сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это не будет зачитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться, ты же должен создать смычку с крестьянской экономикой, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства. У тебя перевес перед капиталистами потому, что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста. У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что, если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче.

Вот в каком смысле нужно говорить об остановке отступления, и этот лозунг, в той или другой форме, было бы правильно превратить в решение съезда...

...А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой—к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад—гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неимоверно много в связи с нэп'ом. Все это говорят впустую. Это—вреднейшая болтовня. В связи с нэп'ом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения—в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культурничания, который вместо переиздания учреждения выдвинул роль личности. Но мы пришли к положению, которое в смысле политическом надо оценить трезво, мы подвинулись

так далеко, что не можем всех позиций удержать и не должны удерживать.

В смысле международном улучшение нашего положения в эти последние годы гигантское. Советский тип государства нами завоеван, это есть шаг вперед всего человечества, и Коминтерн каждый день нам подтверждает это сведениями из любой страны. И тени сомнения ни у кого нет. Но в смысле практической работы дело обстоит так, что если коммунисты не смогут оказать практической помощи крестьянской массе, то она их не поддержит. Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д., — у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной войны, а стали бы плестись в хвосте. Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять. Теперь крестьяне и рабочие будут смеяться, когда предпишут построить, переделать такое-то учреждение. Теперь простой рабочий и крестьянин интересоваться этим не будут, и они правы, ибо центр тяжести не в этом. Ты, коммунист, должен итти к народу теперь не с этим, хотя мы, сидящие в государственных учреждениях, завалены такими мелочами всегда, но не за это звено цепи надо браться, не в этом гвоздь, а гвоздь в том, что люди посажены неправильно, что ответственный коммунист, превосходно проделавший всю революцию, приставлен к тому торгово-промышленному делу, в котором он ничего не понимает и мешает видеть правду, ибо за его спиной превосходно прячутся деляги и мошенники. В том

дело, что практической проверки того, что выполнено, у нас нет. Это задача прозаическая, маленькая, это—мелкие дела, но мы после величайшего политического переворота, при тех условиях, когда мы должны некоторое время существовать среди капиталистического уклада, гвоздь всего положения не в политике, в узком смысле слова, гвоздь всего положения не в резолюциях, не в учреждениях, не в переорганизации. Поскольку они нам необходимы, это делать мы будем, но не суйтесь с этим к народу, а подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение,—и это народ оценит.

В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится. Сейчас народ и все трудящиеся массы видят основное для себя только в том, чтобы практически помочь отчаянной нужде и голоду и показать, что действительно происходит улучшение, которое крестьянину нужно, которое ему привычно. Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы вести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения. И если не будет ничего неожиданного, то это должно стать гвоздем всей нашей работы на 1922 г., при трех условиях. Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее, она возможна каждый день. Мы действительно должны быть на-чеку, и в пользу Красной армии мы должны итти на известные тяжелые жертвы, конечно, строго определяя размер этих жертв. Перед нами весь мир буржуазии, которая ищет только формы, чтобы нас задушить. Наши меньшевики и эсеры—не что иное, как агенты этой буржуазии. Таково их политическое положение.

Второе условие,—если финансовый кризис не будет слиш-

ком силен. Он надвигается. О нем вы услышите по вопросу о финансовой политике. Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать, и все силы бросить на одно.

Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным, он почистит коммунистов из всяких гострестов. Только надо будет не забыть это сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистит ЦКК или Центропроверком, а почистить как следует всех ответственных коммунистов в хозучреждениях. И третье условие,— чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано, тогда придется заниматься тем, чтобы вести споры об исправлении и направлении. Но если таких печальных ошибок не будет, то гвоздь в ближайшем будущем не в декретах и не в политике, в узком смысле этого слова, не в учреждениях, не в их организации,—этим делом будут заниматься постольку, поскольку это необходимо, в кругах ответственных коммунистов и советских учреждениях,—а гвоздь для всей работы— это в подборе людей и в проверке исполнения. Если мы в этом отношении практически научимся, принесем практическую пользу, тогда мы снова все трудности преодолеем...

НЭП ПРОДОЛЖАЕТ БЫТЬ ГЛАВНЫМ ЛОЗУНГОМ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Из речи на пленуме Московского Совета

19-го ноября 1922 г.

Из речи на пленуме Московского Совета.

Аппарат остался у нас старый, и наша задача теперь заключается в том, чтобы его переделать на новый лад. Мы переделать этого сразу не можем, но нам нужно поставить дело так, чтобы те коммунисты, которые у нас есть, были правильно размещены. Нужно, чтобы они, эти коммунисты, владели теми аппаратами, у которых они поставлены, а не так, как у нас это часто делается, когда этот аппарат ими владеет. Нечего греха таить, и надо говорить об этом прямо. Вот какие задачи перед нами стоят, и какие трудности перед нами, и это как-раз в то время, когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками. Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: „Да, это лучше, чем старый строй". Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все—и оно переделает. Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали. Это мы все видели—это уже сделано. Нужно переделать так, чтобы все большинство трудящихся масс, крестьянских и рабочих, сказало: „Не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому". А этого еще нет. Поэтому нэп продолжает быть главным, очередным,

всеисчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня. Ни одного лозунга, которым мы вчера выучились, мы не забудем. Это можем совершенно спокойно, без всякой тени колебания, сказать кому-угодно, и наш каждый шаг это говорит. Но мы должны еще приспособиться к новой экономической политике. Все ее отрицательные стороны, которых не нужно перечислять, которые вы прекрасно знаете, нужно уметь перегнуть, уметь сводить к определенному минимуму, уметь устраивать все расчетливо. Законодательство наше дает полную возможность к этому. Сумеем ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено. Мы его изучаем. Каждый номер нашей партийной газеты дает нам десяток статей, которые говорят: на такой-то фабрике такого-то фабриканта такие-то условия аренды, а вот где директор — наш товарищ-коммунист, условия такие-то. Дает это доход или нет, оправдывает или нет? Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет,— все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая.

ЛОШАДЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ и ЛОШАДЬ КРУПНОЙ ИНДУСТРИИ

Из статьи „Лучше меньше, да лучше“

4-го марта 1923 г.

Из статьи „Лучше меньше, да лучше".

...Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до тла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэп'е, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западно-европейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,—так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, кото-

рый бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы, и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности, стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями,—это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,—уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира".

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным „вызреванием" в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны про-

явить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны,—весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце-концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большин-

ство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая Партия, мы, Российская Советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки. Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику:

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всяксе малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной инду-

стрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волхостроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волхостроя и т. д.

Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами ЦК и т. д., и т. п.

Это оправдание состоит в том, что лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелко-крестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с „рядовым“ наркоматом.

О КООПЕРАЦИИ

26-го мая 1923 г.

О кооперации.

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэп'а (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэп'у), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства,—у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэп'е мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из

этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэп'а есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэп'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.

А, ведь, в этом опять-таки главное. Одно дело—фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к нэп'у, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной

промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэп'у, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения.

Я намерен теперь поговорить с читателем о том, что практически можно и должно сделать сейчас же, исходя из этого „кооперативного" принципа. Какими средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот „кооперативный" принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение?

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение „свободного" капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,—под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это—формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность,—вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно,

руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело также имеет другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения „цивилизованного" (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось „только" одно: сделать наше население настолько „цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только", нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,—без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили, и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его—тут я почти готов сказать: с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под уменьем быть торгашом я полагаю уменье быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет

быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до уменья быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских—кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, не описанным детально все содержание задачи практически, т.-е. надо уметь отыскать ту форму „премий" (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достаточно помогаем кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,—это есть строй социализма.

Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 19 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу, и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако, они не замечали, что у меня название „государственный капитализм" употреблялось, во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так-называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых,

для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме.

Но есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации.

Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частно-капиталистические предприятия, но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения: именно о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу.

Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если вы-

делить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом.

Поясняю свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна. В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом „кооперативном" социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так-называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута, и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на-время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную „культурную" работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном мас-

штабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству.

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится, и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

1. **Натуральный налог.** (Доклад на X съезде РКП) 5

2. **Мелкая и крупная промышленность.** (Из заключительного слова о продналоге на X съезде РКП) 21

3. **Классы при нэп'е.** (Из речи на всероссийском съезде транспортных рабочих) 27

4. **Основные общественно-экономические уклады в экономике СССР.** (Из брошюры „О продовольственном налоге“) . 41

5. **Об обмене.** (Из наказа СТО местным советским учреждениям). 57

6. **Пролетарское государство должно стать исправным оптовым купцом.** (Из статьи „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“) 63

7. **Весь вопрос,—кто кого опередит.** (Из речи на II всероссийском съезде политпросветов) 69

8. **Переход от штурма к осаде.** (Речь на Московской губернской партийной конференции) 83

9. **Реформа и революция.** (Статья „О значении золота теперь и после полной победы социализма“) 105

10. **Не бояться учиться у купца.** (Из речи на IX всероссийском съезде Советов) 117

11. **Проверка людей и дела—гвоздь работы.** (Из речи на всероссийском съезде металлистов) 125

12. **О способах движения вперед.** (Из доклада о деятельности ЦК РКП на XI съезде РКП) 131

13. **Нэп продолжает быть главным лозунгом сегодняшнего дня.** (Из речи на пленуме Московского Совета) 153

14. **Лошадь крестьянская и лошадь крупной индустрии.** (Из статьи „Лучше меньше, да лучше“) 157

15. **О кооперации** 165

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Вниманию членов Р. К. П. (б) и парторганизаций.

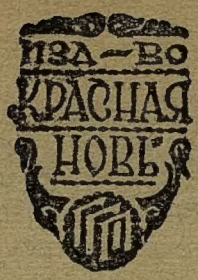
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Г. Зиновьев.** Наболевшие вопросы партийной жизни.—40 к.
2. **Л. Каменев.** Положение в стране и в партии.— 30 к.
3. **А. Кактынь.** Новая экономическая политика и „ножницы“. (Очередные задачи экономическ. политики).
4. **Н. Ленин.** О партийном строительстве за 20 лет.
5. **Н. Ленин.** Основные задачи партии при НЭП'е. (1921—1923 гг.).
6. **Г. Сокольников.** От дензнака к твердой валюте.
7. **И. Сталин.** Об очередных задачах партии.—20 к.
8. **Об очередных задачах экономической политики.** Резолюция ЦК РКП с приложением материалов.
9. Резолюции ЦК и ЦКК по партийному и хозяйственному строительству.
10. **О партстроительстве.** Резолюция ЦК и ЦКК РКП (б).—6 к.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГ. СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер,. 22.



СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ" при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ", Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.